

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Цвета холодного спектра в «Метаморфозах» Овидия

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Классическая филология
(древнегреческий и латинский языки;
античная литература)»

очной формы обучения
Рана Валерия Суджиновна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Бударagina О.В.

Рецензент:
к.ф.н. Егорова С.К.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Черный и серый.....	4
1. <i>Niger</i>	4
2. <i>Ater</i>	24
3. <i>Canus</i>	36
4. <i>Pullus</i>	42
Глава II. Зеленый и синий.....	44
1. <i>Viridis</i>	44
2. <i>Caeruleus</i>	51
Заключение.....	64
Список использованной литературы.....	66

Введение

Целью данной работы является исследование цветов холодного спектра в поэме римского поэта Овидия «Метаморфозы». Цель достигается с помощью рассмотрения словообозначений основных цветов гаммы холодного спектра, а именно, черного, серого, зеленого и синего цветов, которые Овидий использует в поэме.

В работе будет дана характеристика каждого цвета. При этом мы рассмотрим не только прилагательные, означающие цвета, но и однокоренные глаголы с производными от них причастиями, если таковые встречаются в поэме.

В первой главе будут рассмотрены черный и серый цвета, во второй – зеленый и синий (как мы увидим далее, иногда эти цвета сложно различить). Цветобозначения в каждой главе расположены по степени употребительности в поэме Овидия.

В сфере цветообозначений наиболее фундаментальным является труд французского исследователя Жака Андре «*Étude sur les termes de couleur dans la langue latine*»¹ 1949 года, на который мы будем неоднократно ссылаться. В нашей работе мы опираемся на перечень латинских словообозначений для цветов холодного спектра, приведенный именно в работе этого ученого. В данной работе был использован наиболее авторитетный и подробный современный комментарий к «Метаморфозам», подготовленный немецким филологом Францом Бёмером², но по частным вопросам мы обращались и к другим комментированным изданиям поэмы. В нашей работе мы опираемся на текст «Метаморфоз» Уильяма Андерсона³ 1977 года. При этом в тех случаях, когда необходимо учесть разночтения и новые предложенные конъектуры, мы будем обращаться и к другим изданиям поэмы.

¹ Andre J. *Étude sur les termes de couleur dans la langue latine*. Paris, 1949.

² Bömer F. *Kommentar zu Metamorphosen*. 7 Bde. Heidelberg, 1969-1986.

³ Anderson W. S. P. *Ovidii Nasonis Metamorphoses*. Leipzig, 1977.

Глава I. 1. *Niger*

В данном разделе мы будем рассматривать не только прилагательное *niger*, но и глагол *nigrescere*, а также производное от глагола *nigrare* причастие *nigrans*.

Из всех встречающихся в римской литературе слов с данным корнем 85% случаев приходится на прилагательное *niger* (включая производные от него прилагательные *perniger*, *subniger*, *nigellus*), 4,5% составляет глагол *nigrescere*, и столько же глагол *nigrare* (всегда в форме причастия), а также *denigrare*, *internigrare*, *nigricare*; оставшиеся 6% приходятся на существительные *nigrities*, *nigritia*, *nigritudo*, *nigror* и *nigredo*.⁴

Согласно Oxford Latin Dictionary, *niger* имеет значение «*dark in colour, black, or of a colour approaching black*»⁵ («темного цвета, черный или цвет, приближенный к черному»). В «Метаморфозах» это прилагательное встречается достаточно часто и употребляется по отношению к самым разным предметам, от почерневшего от золы алтаря (*ara nigra favilla* – 6, 325), почерневшей балки, на которой коптили свинью (*nigro tigno* – 8, 648) и цвета кожи Эфиопов (2, 236) до цвета крови (12, 326), моря (11, 500) или яда (2, 760).

В латинском языке есть еще одно прилагательное – *ater* – также обозначающее черный цвет. Но, как отмечает Андре, между *niger* и *ater* есть существенное различие: *niger* означает «*noir brillant*» («блестящий черный») и относится к группе слов со значением «*luire, étinceler*» («сиять, сверкать»)⁶. Та же разница существует и между прилагательными, обозначающими белый цвет – *candidus* и *albus*, из которых значение «блестящий» имеет первое прилагательное, а «матовый», соответственно, второе.

- ***Niger* в собственном значении для обозначения животных**

Прилагательное *niger* несколько раз в «Метаморфозах» используется в

⁴ Andre. Étude sur les... P. 52.

⁵ Glare P. G. W. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1996. s.v. niger.

⁶ Andre. Étude sur les... P. 53.

своим основным значением «*черный, темный*». Часто такие употребления встречаются у Овидия, когда речь идет о животных, чаще всего (три случая) о птицах. Во второй книге «Метаморфоз» впервые встречается упоминание о черном вороне, а именно, Овидий обращается⁷ к нему:

*Quam tu nuper eras, cum candidus ante fuisses,
corve loquax, subito nigrantes versus in alas.*

«Подобно тому, как прежде был ты, говорливый ворон, когда был раньше белым, вдруг обретший черные крылья» (2, 535-6).

Речь идет о вороне Аполлона, который должен был наблюдать за возлюбленной Аполлона Коронидой, пока тот отсутствовал. После этих слов Овидия следует рассказ о том, почему ворон из серебристо-белого (*candidus*⁸) стал черным: Феб узнает от ворона об измене Корониды и в гневе убивает ее. Только позднее он осознает свою ошибку и навсегда проклинает ворона. Как указывает Бёмер, «*Rabenschwarz*», т. е. черный как цвет ворон упоминался уже в античных поговорках, но в литературе никто до Овидия не называл их черными.⁹

Другая ворона, упоминаемая в этом же эпизоде «Метаморфоз», встречается на пути ворону Аполлона, еще до того, как он вызвал гнев своего хозяина. Узнав, почему ворон летит к Дельфийцу, она пытается его отговорить рассказывать богу об измене возлюбленной и в качестве примера приводит ему свою историю о роковой верности Минерве, которая обернулась для нее превращением в птицу:

<...> *tendebam brachia caelo:
brachia coeperunt levibus nigrescere pennis.*

«<...> я простирала руки к небу: руки начали чернеть легкими

⁷ Это первый пример апострофы, обращенной к птицам и, животным вообще, в эпических поэмах. (Moore-Blunt J. J. A Commentary on Ovid Metamorphoses II. Uithroon, 1977. P. 115).

⁸ О контрастном употреблении *niger* и *candidus* смотри ниже.

⁹ Bömer. Büch. I-III. S. 371.

перьями» (2, 581-2).

Примечательно, что у Овидия в этой же поэме и даже в этой же книге встречаются почти в точности такие же строки. Поэт рассказывает о превращении Каллисто в медведя из-за гнева ревновавшей к ней Юпитера Юноны и описывает это так:

*<...> tendebat bracchia supplex:
bracchia coeperunt nigris horrescere villis.*

«<...> с мольбой простирала руки: руки начали щетиниться черной шерстью» (2, 477-8).

Как мы видим, Овидий использует ту же лексику (*bracchia, tendere, coepisse*) и словосочетания находятся в одинаковой метрической позиции, но здесь уже вместо глагола *nigrescere* выступает прилагательное *niger*, которое употребляется по отношению к другому животному – медведю. Комментатор Дж. Дж. Мур-Блант приводит греческую параллель – у Александрийского поэта Аполлония Родосского (2, 119), он называет медвежью шкуру *κελαινός*¹⁰.

Помимо ворон у Овидия встречается еще одна птица, которая имеет черный окрас. Поэт в седьмой книге в рассказе о том, как Минос набирает союзников для войны с Эгеем, чтобы отомстить за убитого сына Андрогеея и упоминает некую Арну, которая предала свой город Миносу за золото, от которого не могла отказаться. Далее следуют строки:

*Accepto <...> auro
mutata est in avem, quae nunc quoque diligit aurum,
nigra pedes, nigris velata monendula pennis.*

«Приняв...золото, была превращена в птицу, которая и теперь также любит золото, с черными лапами галка, покрытая черными перьями» (7, 466-8).

¹⁰ Moore-Blunt. A Commentary on Ovid...P. 104.

Как отмечает Бёмер¹¹, данный миф по другим источникам нам неизвестен, кроме того, не во всех рукописях указано имя *Arne*, встречается также чтение «*quaque*» и чтение «*arnen*» в винительном падеже, что усложняет понимание, так как исчезает подлежащее.

В седьмой книге «Метаморфоз» также встречается прилагательное *niger*, используемое по отношению к живым существам. Овидий рассказывает, как Эак, царь острова Эгины, лишился всех своих поданных из-за гнева Юноны: она наслала на остров туман с ядовитыми змеями, которые отравили все водоемы, а люди, пившие из них, погибали. Боги, по просьбе Эака, одарили его новыми подданными, мирмидонянами, т.е. муравьями, превращенными в людей:

*Crescere desubito et maius maiusque videri
ac se tollere humo rectoque adsistere trunco
et maciem numerumque pedum nigrumque colorem
ponere et humanam membris inducere formam.*

«Приснилось, что они вдруг становятся все больше и больше, поднимаются с земли и встают с прямым туловищем, худоба, множество ног и черный цвет теряют, и вносят человеческий облик в члены» (7, 639-642).

Как пишет Бёмер, «маленький размер, худоба и черный цвет это те вещи, которые вошли в поговорку как и трудолюбие»¹² (Cic. Ac. 2, 120; Hor. Serm. 1, 1, 33; Plin. N.H. 2, 109).

В двенадцатой книге Овидий рассказывает о боях кентавров и лапифов, и одного из кентавров он описывает подробно: о красоте кентавра Киллара знали все, его мышцы и грудь напоминали статуи атлетов и:

*<...> totus pice nigrior atra,
candida cauda tamen, color est quoque cruribus albus.*

¹¹ Bömer. Büch. VI-VII. S. 317.

¹² Ibid. S. 362.

«Весь он [был] чернее черной смолы, однако, хвост белоснежен и также цвет ног – белый» (12, 402-3).

Выражение «*pice nigrior (atra)*» вошло в поговорку¹³ и часто используется Овидием (Epist. 17 (18), 7 «*caelum pice nigrius*»; Ars 2, 658 «*nigrior Illyrica cui pice sanguis erit*» (Pont. 4, 14, 45)), впервые оно встречается уже у Гомера – «*μελάντερον ἤύτε πίσσα*» («чернее, чем смола») (Π. 4, 277). Также в приведенном месте мы снова видим цветовой контраст *niger – albus*.

В третьей книге поэт употребляет уже глагол *nigrescere* и уже по отношению к рыбам, а точнее, если следовать общепринятой версии мифа, к дельфинам. Мы узнаем, как во время плавания Вакха на триере с Икарии на Наксос его похитили тирренские пираты. Они задумали продать неузнанного ими бога в рабство, однако, оковы сами спали с его рук, и он превратил мачты и весла в змей, наполнив корабль ветвями виноградных лоз и плюща и пением флейт. Вокруг самого бога появляются тигры и пантеры, моряки в ужасе начинают прыгивать и:

<...> *primusque Medon nigrescere coepit*
corpore et expresso spinae curvamine flecti.

«<...> первым начал чернеть Медон, а спина стала искривляться вытирающим изгибом» (3, 671-2).

Далее Овидий нигде не упоминает этих пиратов и не уточняет, в кого именно они превратились, поэтому сказать однозначно, что это были дельфины, нельзя (тем более у Овидия слово *delphinus* нигде не встречается с определением *niger*).

- **Обозначение контраста**

Нередки случаи, когда прилагательные *niger* и *ater* противопоставляются прилагательным *candidus* или *albus*. В «Метаморфозах» мы находим несколько таких примеров, и некоторые из

¹³ Otto A. Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer. Leipzig, 1890. S. 281.

них будут встречаться не только в данном разделе нашей работы.

В паре с прилагательным *albus niger* встречается в пятнадцатой книге, где речь идет о белых и черных камешках для голосования за или против обвиняемого:

*quae simul effudit numerandos versa lapillos,
omnibus e nigro color est mutatus in album.*

«из каковой [урны] как только высыпались камешки для подсчета, у всех у них цвет изменился – из черного на белый» (15, 45-6).

В данном случае, считает Бёмер, прилагательное *niger* абсолютно тождественно прилагательному *ater* по значению.¹⁴ И действительно, с ним можно согласиться, если обратиться к строке, приведенной чуть выше (15, 41), в которой эти же камешки названы «*niveis atrisque lapillis*», а также «*calculus ater*» (15, 44).

Niger также встречается в паре с прилагательным *candidus* и вновь для обозначения контраста. Например, в одиннадцатой книге мы узнаем об Автолике, сыне Меркурия, который пошел в отца ловкостью и хитростью и при этом еще обладал волшебным даром – «*candida de nigris et de candentibus atra <...> facere*» («превращать вещи в белые из черных и в черные из белых») (11, 314-5). Здесь мы видим прилагательные и *niger*, и *ater*, и *candidus*, а также причастие *candens* и все они употреблены в одной строке. Конечно, здесь важны не цветообозначения как таковые, акцент сделан на могущественности дара Автолика. Похожее на вышеприведенное выражение встречается и у Ювенала («*qui nigrum in candida vertunt*» – 3, 30), но, по мнению Бёмера¹⁵, не является вошедшим в поговорку, как считают А. Отто¹⁶ и А. Х. Ф. Гриффин¹⁷.

Как уже было сказано ранее, *candidus* означает «блестящий белый», а

¹⁴ Bömer. Büch. XIV-XV. S. 263.

¹⁵ Bömer. Büch. X-XI. S. 318.

¹⁶ Otto. Die Sprichwörter und... S. 192.

¹⁷ Griffin A. H. F. A Commentary on Ovid Metamorphoses Book XI. Dublin. 1997. P. 154.

niger «блестящий черный» и бывают случаи, когда прилагательное *niger* употребляется по контрасту и с другими прилагательными, имеющими значение «блестящий», как например, *nitidus* в последней книге «Метаморфоз», в которой приведено учение Пифагора о переселении душ. Философ объясняет, что души меняют облик, ведь все в жизни находится в постоянном движении, время утекает, а «*iubar hoc nitidum nigrae succedere nocti*» («этот сверкающий блеск следует за черной ночью») (15, 187). Под *nitidum iubar* имеется в виду день, который противопоставляется *nigrae nocti* – темной ночи.

Отчетливый контраст мы видим в седьмой книге «Метаморфоз», правда Овидий уже не использует прилагательные *albus* или *candidus*, а употребляет слово *canities*, обозначающее «седину». После добычи золотого руна аргонавты вернулись в Иolk, которым правил Пелий. Медея приготовила зелье для брата Пелия, Эсона, желавшего вернуть былую молодость, и Овидий подробно описывает действие волшебного напитка:

<...> *quos postquam conbibit Aeson
aut ore acceptos aut vulnere, barba comaeque
canitie posita nigrum rapuere colorem.*

«<...> после того как Эсон выпил усвоенное то ли ртом, то ли раной [зелье], борода и волосы, сбросив седину, приобрели черный цвет» (7, 287-9).

Довольно часто для цвета волос или бороды Овидий использует прилагательные *flavus* (2, 749; 3, 617; 6, 118 etc.), *rutilus* (2, 319; 6, 715), иногда также *aureus* (12, 395) и только единственный раз в «Метаморфозах» для цвета бороды и волос он использует прилагательное *niger*. Поэтому в приведенном месте не следует видеть именно «черную бороду и волосы», – все-таки дело не в их цвете, а в противопоставлении¹⁸седины пожилого человека насыщенному цвету волос молодого юноши.

В четырнадцатой книге, возможно, прилагательное *niger* также

¹⁸ Bömer. Büch. VI-VII. S. 276.

используется для контраста, хотя исследователи никак не комментируют это. Овидий рассказывает о волшебном цветке, который спас Улисса от чар колдуньи Кирки:

<...> *dederat florem Cyllenius album:*
moly vocant superi; nigra radice tenetur.

«<...> дал Киллений (Меркурий) белый цветок: «моли» называют его небесные боги; из черного корня он растет» (14, 291-2).

Об этом цветке впервые упоминает Гомер в «Одиссее», и именно он использует такие цветообозначения. Нам неизвестно с какой целью поэт назвал корень «черным», а сам цветок «белым», для контраста или нет, но смотря на строки Гомера, мы ясно видим, что Овидий следует традиции и использует эти же цвета:

Ρίζη μὲν μέλαν ἔσκε, γάλακτι δὲ εἴκελον ἄνθος:
μῶλον δὲ μιν καλέουσι θεοί <...>

«В отношении корня он был черным, а цветок похож на молоко: «моли» называют его боги <...>» (Hom. Od. 10, 304-5).

- **Обозначение темного цвета**

В «Метаморфозах» встречается место, где имеется в виду не буквально черный, а, скорее, темный оттенок какого-либо цвета. В девятой книге мы узнаем историю Библиды, дочери Кианеи и сестры Кавна, воспылавшей к нему страстным чувством. Она полюбила брата и ей часто снятся смущающие ее сны, посещают нечестивые мысли, она решает покинуть свой родной дом, и нимфы превращают ее в ручей, «*qui <...> nomen habet dominae nigraque sub ilice manat*» («который <...> носит имя хозяйки и течет под черным дубом») (9, 664-5). Бёмер отмечает, что *ilex* у поэтов часто обозначен зеленым цветом – *viridis* (Met. 1, 112; 11, 109; Verg. Georg. 3, 146; Aen. 5, 129), а в данной сцене он имеет эпитет *nigra*. Возможно, это связано со старостью дуба или с его черной и густой тенью. Так, например, у Вергилия

по отношению к *ilex* использовано определение *opaca* («тенистый») (Aen. 6, 208), и у самого Овидия в «Фастах» *densa niger ilice lucus* («черная из-за густых дубов роща») (2, 165) и «*lucus <...> niger ilicis umbra*» («роща <...> темная из-за теней дубов») (3, 295).¹⁹

Иногда прилагательное *niger* в паре с другим прилагательным, обозначающим цвет, или даже с существительным (предметом, который сам по себе имеет цвет) может указывать на темный оттенок этого цвета.²⁰ Например, Андре считает, что темно-красный цвет ягод может быть обозначен и с помощью *niger*, как, например, ежевика в одной из сатир Горация (*nigris muris* – 2, 4, 22). У Овидия ягоды шелковицы тоже имеют такое цветообозначение, и в четвертой книге он приводит рассказ, объясняющий почему они такого цвета. Одна из дочерей Миния думает, какой историей поделиться с сестрами, чтобы занять их слух во время прядения шерсти:

<...> *an, quae poma alba ferebat,*
ut nunc nigra ferat contactu sanguinis arbor.

«<...> или [рассказать], о дереве, которое давало белые плоды, а теперь же из-за брызгов крови дает темные» (4, 51-2).

Речь идет о тутовом дереве из истории о Пираме и Фисбе. Когда Пирам, думая, что Фисба умерла, вонзает в свое тело меч, брызги крови попадают на ягоды этого дерева, которые обретают черный цвет. В данном месте мы снова видим противопоставление *albus* – *niger*. На красный отлив этих ягод указывает существительное *sanguis* (например, у Вергилия *sanguineis muris* – Ecl. 6, 22), а *niger*, на наш взгляд, говорит о темном оттенке, хотя эта мысль является спорной, так как ягоды шелковицы именно черного цвета, а красноватый оттенок присутствует у незрелых ягод.

В паре с прилагательным, указывающим на цвет, *niger* встречается в

¹⁹ Bömer. Büch. VIII-IX. S. 468.

²⁰ Andre. Étude sur les... P. 56.

тринадцатой книге, где влюбленный в Галатею Полифем рассказывает ей о своих прекрасных садах и сливах, растущих там: «*pruna nigro liventia susco*» («сливы синеватые от темного сока») (13, 817). Причастие *livens* говорит о синеватом цвете слив.

- **Пейоративное значение**

В некоторых случаях прилагательные *niger* и *ater* обозначают нечто неблагоприятное.²¹ Такое употребление впервые²² засвидетельствовано у Горация в сатире о назойливом спутнике и поэт считает, что у него неудачный день и называет его «*Solem nigrum*» (1, 9, 73). У Вергилия страх (*formido*) назван черным (Verg. Georg. 4, 468), и мы понимаем, что под этим подразумевается «ужасающий» страх.

В «Метаморфозах» много подобных примеров употребления. Например, Овидий два раза использует *niger* по отношению к облакам и, скорее всего, для предупреждения о неблагоприятном событии. Первый раз такое употребление встречается в рассказе о Мирре, воспылавшей грешной любовью к отцу. Она решила утолить свою страсть во время празднеств Деметры, и поэт описывает эту ночь так:

*Ad facinus venit illa suum. Fugit aurea caelo
luna, tegunt nigrae latitantia sidera nubes,
nox caret igne suo <...>*

«Подступает она к своему преступлению. Убегает с неба золотистая луна, черные облака покрывают сокрывшиеся звезды, ночь лишена своего света <...>» (10, 448-50).

Также несколькими строками ниже мы снова видим черный цвет и темноту: «*It tamen; et tenebrae minuunt noxque atra pudorem*» («Однако, идет; сумерки и черная ночь уменьшают стыд») (10, 454). Часто Овидий изображает сцены, где описывается преступление, или сцены,

²¹ Andre. Étude sur les... P. 56.

²² Ibid.

предвосхищающие его, очень мрачными и эта сцена не является исключением, ведь все природные явления намекают на страшное событие.²³ Поэтому черный по отношению к облакам и ночи – это и цветообозначение, и метафорическое обозначение для создания угрожающего колорита.

Такую же мрачную атмосферу мы наблюдаем в двенадцатой книге, где Овидий говорит, что облака бывают *atras* (12, 51), когда Юпитер грохочет в небесах и раздаются раскаты грома, а в последней книге «Метаморфоз» *nigras nubes* (15, 783) предвещают скорбные события, а именно, убийство Юлия Цезаря, кроме того, с неба падают кровавые капли, о бедах пророчит и стигийский филин.

Во второй книге мы встречаем употребление *ater* по отношению к облакам, и встречается оно в довольно необычном описании. Речь идет о трех сестрах, дочерях Кекропа: Герсе, Аглавре и Пандросе, которым Минерва поручила ящик с положенным в него новорожденным Эрехтеем и взяла с них обещание не открывать его. Но Аглавра с Герсой ослушались богиню, после чего Минерва насылает на Аглавру Зависть, которая «*adopertaque nubibus atris*» («*покрыта черными тучами*») (2, 790). Во-первых, Зависть у Овидия персонифицирована, и это уже необычно, а во-вторых, она «*покрыта черными тучами*», т. е. как бы одета в них и тем самым скрыта. Как пишет Бёмер, уже в самой ранней римской литературе встречается данный топоним: а именно, все сверхъестественное скрыто от людей за облаками или облаком, как, например, у Гомера Афродита уносит Париса с поля боя в облаке, или, как Аполлон унес Энея и спас от Диомеда.²⁴ У Тибулла мы можем найти персонификацию Смерти и сходства с описанием Зависти у Овидия – «*tenebris Mors adoperta caput*» («*Смерть с головой, покрытой сумраком*») (1, 1, 70).

В связи с черными облаками мы должны рассмотреть еще одно прилагательное (существительное, от которого оно произошло, мы уже

²³ Bömer. Büch. X-XI. S. 154.

²⁴ Bömer. Büch. I-III. S. 423.

встречали выше – 12, 402), обозначающее черный цвет – *piceus* – и имеющее значение «*like pitch in colour or substance*»²⁵ («*цвета смолы или состоящий из нее*»). Как отмечает Андре, это прилагательное – изобретение²⁶ Вергилия, слово поэтическое, характерное для эпоса²⁷ и частое в произведениях этого жанра в эпоху серебряной латыни. Бёмер сообщает, что оно редко использовалось поэтами августовской эпохи: у Горация и Проперция оно вообще не встречается, у Тибулла в одном варианте чтения элегии из первой книги (4, 43), только у Вергилия оно встречается четыре раза и у Овидия пять раз в «Метаморфозах».²⁸ Одно из этих пяти употреблений не несет в себе цветообозначения, а подразумевает буквальное значение «смоляной, состоящий из смолы» – так Овидий в девятой книге говорит, что слезы нимфы Библиды текут «*<...> ut secto piceae de cortice guttae*» («*<...> как смоляные капли из надрезанной древесной коры*») (9, 659). Два употребления – это эпитеты слова *caligo*, означающего «густой туман» или «мгла». Так в первой книге Юпитер из-за Ликаона, наказывая все человечество, выпускает свирепого Нота «*terribilem picea tectus caligine vultum*» («*с ужасным лицом, покрытым черной, как смола, мглой*») (1, 265), тем самым насылая всемирный потоп. Здесь немного не такая ситуация как с Завистью, поскольку Нот – это южный, влажный ветер, который приносил туманы и дожди, поэтому его «лицо» «*покрытое черной, как смола, мглой*» это как бы и есть он сам, состоящий из этой мглы.

Черную мглу мы также видим во второй книге, где речь идет о сыне Гелиоса, Фазтоне, который попросил отца разрешить ему управлять солнечной колесницей в небе. Юноша получил разрешение, но очень скоро перестал справляться с управлением и колесница под ним раскаляется, он сам задыхается от дыма и «*quoque eat aut ubi sit, picea caligine tectus nescit <...>*» («*покрытой смоляно-черной мглой, куда едет и где находится, не*

²⁵ OLD s.v. *piceus* 2.

²⁶ Andre. *Étude sur les...* P. 61.

²⁷ Ibid. P. 269.

²⁸ Bömer. *Büch. I-III.* S. 426.

знает...») (2, 233-4). Конечно, данное цветообозначение в обоих случаях создает угрожающую атмосферу и указывает на дальнейшие страшные события: в первом случае – потоп, во втором – пожар.

Возвращаясь к прилагательному *niger*, мы рассмотрим еще одну мрачную сцену, уже в одиннадцатой книге, где Овидий описывает бурю, в которую попадает Кеик, возлюбленный Алкионы, направляясь в Клар к оракулу Аполлона. Когда буря начинается, моряки паникуют, реи скрипят и больше всего пугает то, что:

*Fluctibus erigitur caelumque aequare videtur
pontus et inductas adspergine tangere nubes;
et modo, cum fulvas ex imo vertit harenas,
concolor est illis, Stygia modo nigrior unda,
sternitur interdum spumisque sonantibus albet.*

«Море вздымается волнами и, кажется, что равняется с небом и окропляет брызгами нагнанные тучи; то, когда поднимает со дна золотистый песок, перенимает его цвет, то становится чернее стигийских вод, а порой расстиляется и белеет шумящей пеной» (11, 497-501).

Овидий сравнивает цвет моря с цветом вод Стикса, и тем самым намекает на неминуемую гибель Кеика и его товарищей. Ведь Стикс - это река в царстве мертвых, и кроме того, само использование прилагательного *niger* тоже может указывать на смерть²⁹, как мы увидим далее.

Вообще, эта сцена достаточно красочная, так как здесь мы видим комбинацию трех цветов: *fulvus*, *niger* и *albus*. Как отмечает Бёмер³⁰, часто в сценах бури присутствуют различные цветообозначения и бывают указания даже на белизну, как и в выше приведенной сцене – на нее указывает глагол *albet*, т. е. в этой сцене присутствует и контраст.

Кроме того, в этой сцене мы снова видим еще одно обозначение

²⁹ Andre. Étude sur les... P. 57.

³⁰ Bömer. Büch. X-XI. S. 370.

черного цвета – «*piceis nubibus*» (549) (аналогичное употребление, как и с *niger* и *ater* выше), а также *caeca nox* – 521, и существительное, обозначающее темноту – *tenebrae* (521). Комментатор Гриффин добавляет, что «Овидий обязан Гомеру (II. 4, 275-8) и Лукрецию (6, 256-7) описанием черных штормовых туч, как «смоляно-черных»»³¹.

Далее в этой же сцене у Овидия встречается *niger arcus aquarum* («черный свод воды») (11, 568), т. е. волна, накрывшая Кеика и тем самым убившая его. Английский переводчик «Метаморфоз» Г.Т. Райли³² предположил, что под *niger* подразумевается цвет песка, который волна, вздымаясь, подняла со дна, но А. Х. Ф. Гриффин³³ больше склоняется к пониманию *niger* как цвета воды, черного из-за темноты ночи и шторма. На мой взгляд, следует согласиться с Гриффином, поскольку в воде, действительно, всегда отражается небо и, соответственно, море становится такого же цвета, а во-вторых, предположение Г.Т. Райли сомнительно, так как ранее в этой сцене были строки, где указан иной цвет песка – *fulvas harenas* (499), а вода *concolor est illis* (500).

Овидий далеко не первый, кто называет море черным. Впервые³⁴ такое определение встречается уже у Гомера (*κῶμα κελαϊνόν* – II. 9, 6; *μέλαν* – 23, 69; Od. 5, 353), затем у римских поэтов, они чаще используют прилагательное *ater* как эпитет моря: как например, у Горация бушующее море названо *atrum* (Serm. 2, 2, 16) или у Вергилия Эней отплывает от Карфагена, и море, которое вскоре охватит буря названо «*fluctus...atros*» (Aen. 5, 2). У Горация в одах можно встретить выражение «*aspera nigris aequora ventis*» («суровые из-за черных ветров воды» – Serm. 1, 5, 6), в котором он использует прием эналлаги и подразумевает «черное море из-за суровых ветров», а речь идет об измене возлюбленной поэта, Пирре – любой, кого она сейчас утешает, потом с огорчением будет смотреть на черное море.

³¹ Griffin. A Commentary on Ovid...P. 222.

³² Riley H.T. The Metamorphoses of Ovid. London, 1905.

³³ Griffin. A Commentary on Ovid...P. 227.

³⁴ Bömer. Büch. X-XI. S. 371.

Из метафорического значения *niger* «неблагоприятный» вытекает и значение «гибельный, смертоносный»³⁵. Например, смертельный жар Марциал называет *niger* (12, 17, 7), а Вергилий – яд (Aen. 5, 514), и особенно часто³⁶ *niger* выступает как эпитет смерти (*Mors nigra*– Tib. 1, 3, 4). В таком же контексте используется существительное *nigror*, например, у Лукреция – *mortis nigrore* 3, 39. Кроме того, данное прилагательное часто характеризует вещи, относящиеся к смерти и подземному миру, например, траурные одежды всегда обозначены черным цветом (Ov. Ib. 100), у Проперция мы можем встретить данный эпитет по отношению к погребальному костру (4, 3, 14), а у Вергилия впервые³⁷ встречается *nigra Tartara* (Aen. 6, 134).

В пятой книге «Метаморфоз» мы находим пример использования прилагательного *ater* в значении «гибельный». Описываются бои на свадьбе Персея и Андромеды, куда пришли ее бывшие женихи, чтобы отомстить Персею за то, что он увел у них невесту. Овидий, называя имя каждого, подробно описывает, как Персей убивает женихов и одного из них, умирающего Ликабанта, который погибает из-за попытки мести за своего любимого друга Атиса:

<...> *et ille*
iam moriens oculis sub nocte natantibus atra
circumspexit Athin <...>

«... и тот, уже умирая, блуждающим вблизи черной ночи взглядом окинул Атиса...» (5, 70-2).

Исследователи никак не комментируют *sub nocte atra*, но, общий смысл ясен: Ликабант умирает и уже видит тьму, т. е. подразумевается смерть. Если понимать это место так, то *atra nox* для обозначения смерти кажется необычным употреблением, хотя Бёмер³⁸ приводит похожее употребление

³⁵ Andre. Étude sur les... P. 57.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. P. 54.

³⁸ Bömer. Büch. IV-V. S. 246.

nox встречающееся в третьей книге, где речь идет о прорицателе Тиресии, но там *aeterna nocte* (3, 335) и под этим подразумевается наказание вечной слепотой.

В «Метаморфозах», как и у Вергилия, *niger* трижды используется для обозначения цвета яда. В первом случае поэт приводит рассказ об убийстве змея Пифона, охранявшего вход в Дельфийское святилище, Аполлоном:

<...> *exhausta paene pharetra,*
perdidit effuso per vulnera nigra veneno.

«<...> почти опустошив свой колчан, убил, а из черных ран разлился яд» (1, 443-444).

Здесь имеется в виду змеиный яд, потекший из ран Пифона. Хотя грамматически *nigra* относится к *vulnera*, но по смыслу является характеристикой яда, т. е. в данном месте мы вновь имеем дело с эналлагой.³⁹ Возможно, именно этот эпитет используется для обозначения змеиного яда, поскольку у Овидия есть случаи, где прилагательное *niger* относится к змеям. Например, в третьей книге, где речь идет о змее Ареса, которого убил Кадм:

<...> *quique halitus exit*
ore niger Stygio, vitiatas inficit auras.

«<...> и то черное дыхание, выходя из стигийской пасти, загрязняет воздух, портя его» (3, 75-76).

Выражение «черное дыхание» подразумевает, что змей умирает, а эпитет «черное», пожалуй, можно отнести к самому змею, поскольку, как указывает Бёмер, черный цвет часто используется как цвет змей потому, что они имеют отношение к смерти и подземному миру.⁴⁰ Так же считал и античный комментатор Вергилия Сервий: он дает следующий комментарий к месту, где змеи названы *atris* (Georg. 1, 129) – «*modo noxiis, id est ad tenebras*

³⁹ Bömer. Büch. I-III. S. 140.

⁴⁰ Ibid. S. 466.

*et mortem mittentibus» («[atris используется] на манер noxiis («вредоносных»), то есть отправляющих во мрак и на смерть»).*⁴¹ Черный цвет по отношению к змею мы наблюдаем также в сцене превращения самого Кадма в четвертой книге. Мы подробнее рассмотрим это место в разделе «Caeruleus», поэтому здесь скажем только, что во время превращения тело у Кадма было *nigra* (4, 578), так как это было уже тело змея.

Речь о яде (но уже скорпиона) идет также во второй книге, и здесь прилагательное *niger* согласовано с существительным *venenum*. Так, мы узнаем историю Фазтона, который отправился в небо на солнечной колеснице и по пути видел разные созвездия (в виде животных), одно из которых, созвездие Скорпиона, его пугает:

*Hunc puer ut nigri madidum sudore veneni
<...> vidit,
mentis inops gelida formidine lora remisit.*

«Когда мальчик его, влажного от жидкого черного яда, увидел, потеряв рассудок, выпустил вожжи из-за ледящего страха» (2, 198-200).

В третьем случае использования *niger* как эпитета яда Овидий говорит не о животных (и использует другое слово – *tabum*⁴²), а описывает жилище Зависти, о которой мы уже не раз говорили выше:

*Protinus Invidiae nigro squalentia tabo
tecta petit <...>*

«Тотчас отправляется в грязное от черного яда жилище Зависти <...>» (2, 760-1).

В этой же сцене «Метаморфоз» несколькими строками ниже мы встречаем прилагательное *riceus* для характеристики яда, что необычно,

⁴¹ Serv. Georg. ad loc.

⁴² Поэтизм, использующийся уже у Энния (Jocelyn. trag. 297). Moore-Blunt. A Commentary on Ovid...P. 154.

поскольку более привычными⁴³ и частыми для него эпитетами выступают *ater* и *niger*. Когда Зависть приходит к Аглавре, она:

*Inspiratque nocens virus piceumque per ossa
dissipat et medio spargit pulmone venenum.*

«Вдыхает вредоносный сок и черный яд разливает по костям, и рассеивает его в самые легкие» (2, 800-1).

В данных строках мы видим сильный гипербат, так как определение (*piceum*) и определяемое существительное (*venenum*) находятся в разных строчках. Как мы уже говорили, Овидий персонифицирует зависть, но это не первый случай в римской литературе: у Вергилия в «Георгиках» зависть изображена как живое существо (Georg. 3, 36).⁴⁴ Но еще раньше, уже у Гесиода в «Трудах и днях» мы находим:

*Zḗλος δ' ἀνθρώποισιν οἰζυροῖσιν ἅπασι
δυσκέλαδος κακόχαρτος ὀμαρτήσει, στρυγερῶπις.*

«Страшная и неприятная Зависть будет неотвязно следовать за каждым жалким смертным, отвратительная на вид» (Op. 195-6).

Также Овидий употребляет *niger* для указания на связь с подземным миром, когда в четвертой книге говорит о «*nigri fera regia Ditis*» («свиренное царство черного Дита») (4, 438), и такое употребление по отношению к Диту встречается впервые⁴⁵ в римской литературе. Бёмер⁴⁶ остроумно замечает, что здесь можно увидеть двойную энналагу.

В тринадцатой книге Овидий называет дым от погребального костра «черным». Поэт рассказывает историю Мемнона, сына богини Эос, который во время Троянской войны пал от рук Ахилла. Юпитер, видя горе богини, возвращает его к жизни:

⁴³ Bömer. Büch. I-III. S. 426.

⁴⁴ Haupt M., Korn O., Müller H. J., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. Erster Band. Buch I-VII. Berlin, 1915. S. 118.

⁴⁵ Bömer. Büch. IV-V. S. 149.

⁴⁶ Ibid.

*Iuppiter adnuerat, cum Memnonis arduus alto
corrui igne rogas, nigrique volumina fumi
infecere diem <...>*

«Юпитер согласна кивнул, когда возвышающийся костер Мемнона обрушился от высокого огня и клубы черного дыма окрасили день<...>» (13, 600-3).

Во-первых, *niger* здесь имеет значение «гибельный, смертельный» (как и *ater* по отношению к золе от этого костра двумя строками ниже – *atra favilla* 604) – предполагает Н. Хопкинсон, так как речь идет о дыме от погребального костра, а во-вторых, возможно, дым назван именно черным в связи с тем, что сам Мемнон был темнокожим, об этом Овидий говорит в «Любовных элегиях» (1, 8, 3-4; 13, 31-2).⁴⁷

На наш взгляд, с Хопкинсоном можно согласиться, что прилагательное *niger* здесь употреблено для указания именно на погребальный костер. Кроме того, это прилагательное используется здесь в своем обычном значении «черный», ведь нельзя отрицать, что дым, действительно, бывает черного или темно-серого цвета (как и зола). У Овидия мы находим этому подтверждение: в начале главы мы говорили о балке (8, 648), которая названа *niger*, поскольку она почернела от дыма⁴⁸, исходившего во время копчения свиньи на этой балке. Зола тоже имела черный цвет и указание на это мы находим в шестой книге «Метаморфоз», где *nigra favilla ara* («алтарь черный от золы») (6, 325-6). Вообще дым с таким эпитетом начинает часто⁴⁹ встречаться с момента употребления его Горацием (Carm. 3, 6, 4), а у Вергилия мы находим дым с эпитетом *ater* (Aen. 9, 239). Идея о том, что дым был черным из-за цвета кожи, кажется нам странной, поскольку, возможно, это просто совпадение, а во-вторых, мы больше не находим примеров, где черный дым шел бы от костра тела человека с темной кожей.

⁴⁷ Hopkinson N. Ovid Metamorphoses, book XIII. Cambridge, 2000. P. 189.

⁴⁸ Bömer. Büch. VIII-IX. S. 206.

⁴⁹ Bömer. Büch. XII-XIII. S. 355.

В «Метаморфозах» есть случаи, когда отрицательная коннотация не вызывает сомнений, как во всех вышерассмотренных употреблениях, но иногда мы можем ее только предполагать. Например, как камешки для голосования (15, 46), о которых мы говорили выше, были двух цветов: белого и черного – первый для оправдания, а второй для наказания.

Рассмотрев все 32 случая употребления прилагательного *niger* в «Метаморфозах», мы убедились, что они очень разнообразны, и выделить самое употребительное значение данного прилагательного практически невозможно. Иногда данное прилагательное подразумевает свое основное значение «черный» (в основном, в случаях с животными), иногда используется только для контраста или противопоставления (с прилагательными *albus, candidus*), а иногда имеет сразу несколько значений, как в случае с ядом, змеями облаками, морем и дымом. Каждый такой случай мы рассмотрели подробно и попытались найти то верное значение, которое Овидий хотел передать читателям.

Глава I. 2. *Ater*

Теперь мы обратимся к другому прилагательному, обозначающему черный цвет, а именно, к прилагательному *ater*. В сравнении с *niger*, данное прилагательное имеет меньше однокоренных слов и к ним относятся *atrium*, *atramentum* («*any substance used to impart a dark colouring, black pigment, blacking*»⁵⁰), *atritas*⁵¹ («*blackness*»)⁵², *atratus* («*darkened, blackened, dingy*» или «*clothed in black, 'in mourning'*»)⁵³, *obatratus*⁵⁴ («*blacked out, darkened*»)⁵⁵, *semiatratus*⁵⁶ («*clothed partially in black, in partial mourning*»)⁵⁷, но не существует глаголов, родственных *ater*.

Позднеантичные авторы такие, как Авл Геллий и грамматик Нонний Марцелл пишут о схожести значений *ater* и *niger* – «*atrum dicitur nigrum*» («*'atrum' называют 'nigrum'*») (Gel. 2, 26, 14; Non. 242).

Согласно OLD, основное значение прилагательного *ater* почти аналогично значению *niger* – «*black, dark-coloured*»⁵⁸ («*черный, темного цвета*»), но перед этим определением мы видим важное замечание к этому прилагательному «*the word is used emotively, esp. by poets; and meanings such as 'dark', 'funereal', 'ill-omened', 'terrible' merge into one another in many instances*»⁵⁹ («*слово часто используется эмоционально, особенно, поэтами; и такие значения как 'темный', 'погребальный', 'зловещий', 'ужасный' соединяются один с другим во многих отдельных случаях*»). Также прилагательное *ater* «*in carminibus saepius legitur quam in prosa oratione*»⁶⁰

⁵⁰ OLD s.v. atramentum 1. «*Какое-либо вещество, используемое для придания темного цвета, черная краска, воск*».

⁵¹ Pl. Poen. 1290.

⁵² OLD s.v. atritas. «*Чернота*».

⁵³ OLD s.v. atratus 1; 2. «*Потемневший, почерневший, мрачный или одетый в черное, 'траурное'*».

⁵⁴ Plin. N.H. 18, 349.

⁵⁵ OLD s.v. obatratus. «*Запачканный черным, потемневший*».

⁵⁶ Var. Men. 47.

⁵⁷ OLD s.v. semiatratus. «*Частично одетый в черное, траурное*».

⁵⁸ OLD s.v. ater 1a.

⁵⁹ OLD s.v. ater.

⁶⁰ Wöllflin E. Thesaurus Linguae Latinae. München, 1900-... Bannier W. s. v. ater // Vol. II. Col. 1018. 23.

(«чаще встречается в стихах, чем в прозе»).

- **Обозначение животных**

Употребления *ater* в «Метаморфозах» разнообразны, но есть случаи, когда данное прилагательное используется только в своем основном значении «черный», а именно, когда речь идет о животных.

Дважды Овидий употребляет *ater* по отношению к шерсти животных. В первом случае речь идет об одной из собак Актеона, которая гонится за ним, уже превращенным в оленя – *villis Asbolos atris* («Асбол с черной шерстью») (3, 218). Примечательно, что имя пса говорящее, а именно, существует греческое слово *ἡ ἄσβολος*, которое означает «сажа», поэтому вполне естественно, что шерсть у пса черная. Кроме того, в этой сцене мы видим контраст, так как идет перечисление всех собак Актеона, и перед Асболом в этой же строке упомянут еще один пес (имя которого тоже представляет собой греческое слово, которое означает «белый») – *niveis Leucon* («с белоснежной [шерстью] Левкон»). Также еще один контраст мы видим тремя строками ниже (уже употреблены прилагательные *niger* и *albus*) – пес по кличке Гарпал «*nigram medio frontem distinctus ab albo*» («отмечен белым [пятном] посередине черного лба») (3, 221). И можно заметить, что в этих строках мы наблюдаем хиазм и параллелизм, так как в начале строки мы видим соединительное *et* и цвет, а в конце строки цвет контрастный первому:

<...> *et niveis Leucon et villis Asbolos atris* <...> (218)

<...> *et nigram medio frontem distinctus ab albo* <...> (221)

Второй случая употребления *ater* по отношению к шерсти встречается в седьмой книге: там речь идет о руне овцы, которую колдунья Медея приносит в жертву для приготовления омолаживающего зелья для Эсона:

<...> *cultrosque in guttura velleris atri
conicit et patulas perfundit sanguine fossas.*

«<...> и вонзает нож в глотку овцы с черной шерстью, а затем

обливает разверстую яму кровью» (7, 244-5).

В ThLL указано, что в данном случае Овидий под *vellus* подразумевает *agna* («молодая овечка») и, вероятно, следует Вергилию: «*ipse atri velleris agnam Aeneas matri Eumenidem <...> ferit*» («Сам Эней принес в жертву матери Эменид овцу с черной шерстью») (Aen. 6, 249).⁶¹ Также, Бёмер⁶² отмечает, что именно черных животных приносили в жертву подземным богам, а в приведенной сцене Овидия Медея приносит жертву Гекате – несколькими строками выше упомянут ее алтарь (240-1). Примечательно, что несколькими строками ниже уже яма, которую Медея поливала кровью, названа черной:

*Multifidasque faces in fossa sanguinis atra
tingit <...>*

«И смачивает расщепленный факел в черной яме крови <...>» (7, 259-60).

Конечно, подразумевается *sanguinis atrae*, т. е. мы наблюдаем использование эналлаги. Как и *niger*, *ater* тоже используется как эпитет крови, например, в двенадцатой книге, где описаны бои кентавров и лапифов, и одного из них, погибающего и «<...> *atro mixtos sputantem sanguine dentes <...>*» («выплывающего зубы с черной кровью») (12, 256), убивает кентавр Пелат. Также, нужно отметить, кровь встречается также и в истории Пирама и Фисбы, но уже не она названа черной, а ягоды, на которые попали ее брызги. В одном случае Овидий использовал прилагательное *niger* (4, 52), а в других двух *ater*. В первом случае:

*Arborei fetus adspergine caedis in atram
vertuntur faciem <...>*

«Древесные плоды становятся черными на вид из-за влажности брызг

⁶¹ Bömer. Büch. VI-VII. S. 266.

⁶² Ibid.

крови <...>» (4, 125-6).

И во втором – «*Nam color in pomis est, ubi permaturuit, ater*» («Ведь у плода черный цвет, когда он поспеет») (4, 165).

Достаточно часто Овидий использует прилагательное *ater* по отношению к змеям.

Первый случай такого употребления встречается в третьей книге в уже упоминавшейся истории о Кадме. Он пытается одолеть Аресова змея, бросает в него камни, но:

*<...> serpens sine vulnere mansit,
loricaeque modo squamis defensus et atrae
durtia pellis validos cute reppulit ictus.*

«<...> змей остался невредим, защищенный только чешуей панциря и твердостью черной кожи покровом отразил сильные удары» (3, 62-4).

Возможно, имеется в виду буквально⁶³ черный цвет змей, но *ater*, как и *niger*, часто используется по отношению к ним из-за их связи с подземным миром, и подтверждением этой мысли может служить пример из четвертой книги. Ино вызвала гнев Юноны из-за того, что взяла Вакха на воспитание, и за это вместе с мужем Атамантом была наказана безумием, которое наслали сестры богини, злоеющие Эринии. Когда Юнона приходит к ним с просьбой, то видит:

*Carceris ante fores clausas adamante sedebant
deque suis atros pectebant crinibus angues.*

«Они сидели перед закрытыми сталью дверями темницы и вычесывали из волос черных змей» (4, 453-4).

В данной сцене мы видим, что змеи как волосы растут у подземных богинь на голове и являются их постоянными спутницами. Когда поэт изображает сцену прихода одной из Эриний к супругам, то он использует

⁶³ Pease A. S. *Publi Vergili Maronis Aeneidos. Liber Quartus*. Darmstadt, 1967. P. 384.

разные выражения для обозначения змей – *viperei nodi* (491), *colubrae* (491), *angues* (495). Эринии же со змеями в волосах упоминаются также в десятой книге (10, 349), где несчастная Мирра думает о своей грешной любви к отцу и вспоминает о богинях мести. Трагик Эсхил впервые⁶⁴ дал Эриниям следующие эпитеты и тем самым, возможно, установил традицию: в «Хоэфорах» они названы *φαλοχίτωνες* (1049) («одетыми в черное платье»), а в «Эвменидах» – *μέλαιναί* (52), *μελανείμονες* (370) равнозначное *φαλοχίτωνες*. Также у Еврипида мы можем найти определение к этим богиням: *μελάγχρωτες* («темные, смуглые») (Or. 321). Согласно Павсанию (1, 28, 6), именно Эсхил первым изобразил Эриний с волосами в виде змей.

В четырнадцатой книге мы узнаем историю юноши Пика, в которого была безответно влюблена колдунья Кирка и за то, что он выбрал другую, Каненту, она превратила его в дятла. Когда Пика стали искать, то нашли только колдунью и хотели схватить ее силой, но она стала молиться Гекате и подземным богам, и произошло следующее:

*Et latrare canes et humus serpentibus atris
squalere et tenues animae volitare videntur.*

«Кажется, что лают собаки, земля покрывается черными змеями, летают тонкие души» (14, 410-1).

Речь идет о колдунье, и, как пишет Хопкинсон⁶⁵, собаки и змеи традиционно ассоциировались с подземным миром и колдовством, поэтому неудивительно, что здесь упомянуты именно эти животные, как например, у Аполлония Родосского (3, 1214-7) и Вергилия (Aen. 6, 257), у которых описываются жертвоприношения богине Гекате и ее приход. У Вергилия встречается такое же словосочетание в той же метрической позиции в четвертой книге «Энеиды», где Клитемнестра изображается как Фурия: *armatam facibus matrem et serpentibus atris* («вооруженная факелами и

⁶⁴ Bömer. Büch. X-XI. S. 132.

⁶⁵ Hopkinson. Ovid Metamorphoses...P. 125.

черными змеями») (4, 472). Р.Г. Остин⁶⁶ комментирует употребление прилагательного *ater* в данном контексте так: «*not merely 'black' but 'ghastly'*» («не только 'черный', но и 'наводящий ужас, страшный'»). Действительно, в некоторых случаях *ater* объединяет в себе несколько значений, как мы писали выше, поэтому в употреблении *ater* по отношению к змеям можно проследить как буквальное значение «черный», так и метафорическое – «зловещий, ужасный».

Еще одно животное, по отношению к которому употребляется прилагательное *ater*, – это кони, запряженные в колесницу Плутона: *exierat curruque atrorum vectus equorum* («выехал носимый колесницей с черными конями») (5, 360). Помимо хозяина этой колесницы, сам черный цвет коней также указывает на связь с подземным миром.⁶⁷

- **Эпитет траурной одежды**

Прилагательное *ater* из-за своего пейоративного значения употреблялось римскими авторами как эпитет траурной одежды. Существовали и другие выражения для обозначения такой одежды, например, у самого Овидия *tristia signa* (Fast. 1, 36). В «Метаморфозах» Овидий четыре раза употребляет словосочетание *vestes atrae* и тем самым как бы задает тенденцию: многие последующие авторы такие как, Сенека (Dial. 11, 16, 5), Помпоний Мела (2, 14), Валерий Флакк (3, 406), Силий Италик (7, 687), Стаций (Theb. 7, 244; 12, 363) и другие использовали это выражение.

Впервые Овидий говорит о поминальных одеждах в шестой книге, где речь идет о Ниобе и ее детях. Знаменитая история о том, как смертная женщина возгордилась своими детьми и оскорбила богиню Латону, за что была наказана смертью сначала своих семи сыновей, а затем на их похоронах «*stant cum vestibis atris <...> sorores*» («стояли сестры в траурных одеждах») (6, 288-9), но из-за чрезмерной и до сих пор не умерившейся

⁶⁶ Austin R.G. P. Vergili Maronis, Aeneidos, Liber Quartus. Oxford, 1979. P. 140.

⁶⁷ Haupt M., Korn O., Müller H. J., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. Berlin, 1903. S. 220.

гордости и дочери Ниобы погибли. Также траурные одежды Овидий упоминает в конце этой книги в истории о Прокне и Филомеле (6, 568), и в восьмой книге, где речь идет о преступлении Эрисихтона, срубившего дуб в роще Цереры, и за это нимфы Дриады в черных одеждах (8, 778) просят богиню покарать его.

В этой же книге Овидий рассказывает о Мелеагре и Калидонской охоте, после которой из-за конфликта по поводу трофея Мелеагр убил своих дядьёв, братьев его матери Алфеи. Мать сначала радуется победе сына над знаменитым вепрем, насланным Артемидой, но затем, увидев трупы братьев:

*Quae plangore dato maestis clamoribus urbem
inplet et auratis mutavit vestibus atras.*

«Она [Алфея], громко рыдая, наполнила город горестными воплями и поменяла златотканые одежды на траурные» (8, 447-8).

Андерсон полагает, что здесь глагол *mutare* намекает на предстоящее превращение Алфеи в соловья.⁶⁸

- **Комбинация значений**

Как мы уже говорили, *ater* в конкретном контексте может соединять в себе несколько значений и иногда трудно принять решение о преобладании одного из них.

Например, в пятой книге мы узнаем о садовнике в Аиде – Аскалафе, выдавшем Прозерпину, когда она вот-вот должна была выйти из подземного мира к матери Церере. Овидий, рассказывая об этом садовнике, упоминает и то, как и от кого он был рожден:

*<...> quem quondam dicitur Orphne,
inter Avernales haud ignotissima nymphas,
ex Acheronte suo silvis peperisse sub atris.*

«<...> которого [Аскалафа] некогда, как говорят, Орфна, очень

⁶⁸ Bömer. Büch. VIII-IX. S. 146.

известная среди Авернских нимф, родила от своего Ахеронта в черных лесах» (5, 539-41).

В данном месте существует несколько разночтений: в некоторых рукописях встречаются чтения «*furvis antris*» либо «*fulvis antris*». ⁶⁹

Как пишет Бёмер ⁷⁰, традиционно лес у поэтов предстает темным, как, например, у Овидия в «Фастах» (3, 295), а лес в подземном мире у Авернского озера еще темнее и мрачнее. Очень ясно и законченно его изобразил Вергилий в «Энеиде» (6, 237-8), ту же мрачную картину мы видим и у Проперция: «*ab umbroso<...>Averno*» («тенистым Аверном») (3, 18, 1). Бёмер ⁷¹ в этом месте предпочитает чтение «*furvis antris*», поскольку «темные пещеры» больше напоминают о смерти, мраке и самом подземном мире, и приводит в качестве примера строки из тринадцатой оды второй книги Горация «*furvae regna Proserpinae*» (18) и строки из первой элегии второй книги Тибулла:

postque uenit tacitus furuis circumdatus alis
Somnus et incerto Somnia nigra pede.

«И после с темными крыльями идет молчаливый Сон и черные Сновидения шаткой стопой» (2, 1, 89-90).

На наш взгляд, любой из вариантов мог быть в первоначальном тексте и сложно указать более вероятное чтение, поскольку и прилагательное *ater*, и прилагательное *fulvus* означают темный цвет, и оба они подходят как для обозначения темноты в лесу, так и для создания мрачной атмосферы в подземном мире, в целом.

Встречается в «Метаморфозах» место, где *ater*, как часто *niger*, используется, по отношению к яду. В седьмой книге Овидий описывает, как Медея варит омолаживающее зелье для Пелия:

⁶⁹ Anderson W. S. P. Ovidii Nasonis Metamorphoses. Leipzig, 1977. P.119.

⁷⁰ Bömer. Büch. IV-V. S. 365.

⁷¹ Ibid.

*Illic Haemonia radices valle resectas
seminaque floresque et sucos incoquit atros.*

«Там [в котле] она варит корни, срезанные в гемонийской долине, и семена, и цветы, и черные соки» (7, 264-5).

Под *atros sucos* Бёмер понимает некий яд, другие комментаторы не разъясняют данное место, только У.С. Андерсон⁷², издатель и комментатор «Метаморфоз», отмечает «*black for «atmosphere»*».

Черный цвет для создания зловещего фона еще, возможно, используется в шестой книге, где Овидий рассказывает сестре Прокны, Филомеле, которую изнасиловал муж сестры и, чтобы она не рассказала никому, отрезал ей язык:

*<...> radix micat ultima linguae,
ipsa iacet terraeque tremens inmurmurat atrae.*

«*<...> лишь основание языка шевелится, сам же он лежит и, подергиваясь, бормочет черной земле» (6, 557-8).*

В данном случае *ater* объединяет в себе несколько значений. Ведь, с одной стороны, подразумевается действительно черный цвет земли. Например, Бёмер приводит цитату из перевода «Метаморфоз», уже упоминавшегося ранее, французского исследователя Дж. Лафайе⁷³, разъясняющее данное употребление *ater*: «*la terre noire de sang*» («земля черная от крови»). Во-вторых, Овидий употребляет именно это прилагательное, так как он описывает страшные события, и темные цвета в данной сцене вполне уместны.

В тринадцатой книге Овидий повествует о Сцилле, бывшей когда-то прекрасной девой, у которой теперь «*feris atram canibus succingitur alvum*» («дикие псы опоясывают черный живот») (13, 732). Комментатор Хопкинсон считает, что в данном месте *ater* имеет значение «*deadly*»

⁷² Anderson W. S. Ovid's Metamorphoses, books 6-10. University of Oklahoma, 1972. P.273.

⁷³ Lafaye G. Ovide les Métamorphoses. Tome II. Paris, 1989. P. 20.

(«смертельный»), и, что черный цвет здесь вряд ли подразумевается.⁷⁴ В данном случае может быть несколько значений, как, «смертельный», поскольку Сцилла приносила всем морякам, проплывающим мимо, смерть. Также сюда применимо и значение «*terrible*»⁷⁵ и «*ghastly*»⁷⁶, поскольку Овидий описывает Сциллу как жуткое чудовище.

В «Метаморфозах» есть место, которое вызывает трудности, как у издателей, так и у комментаторов. В одиннадцатой книге Овидий рассказывает о Кеике и Алкионе. После своей гибели из-за бури, Кеик является жене во сне по велению бога Сна. Ведь Алкиона молилась Юноне, чтобы та уберегла мужа, но Юнона более не в силах слышать молитвы об уже умершем Кеике просит Ириду обратиться к богу сна с просьбой наслать Алкионе сновидение, чтобы она узнала о смерти мужа. Поэт подробно описывает место, где живет Гипнос, и царят вечные сумерки. Там же находится и ложе, на котором отдыхает сам бог. В его описании есть несколько разночтений. Так, Андерсон приводит следующий текст:

*In medio torus est ebено sublimis in atra
plumeus, unicolor, pullo velamine tectus.*

«В центре стоит высокое ложе из черного эбенового дерева, пуховое, одноцветное, с темным покрывалом» (11, 610-1).

Другие издатели⁷⁷ такие, как Хаупт, Кёрн, Эвальд и Мюллер принимают немного другой текст:

*At medio torus est ebено sublimis in antro,
plumeus, atricolor, pullo velamine tectus.*

«А в центре пещеры стоит высокое ложе из эбенового дерева, пуховое, черного цвета, с темным покрывалом».

⁷⁴ Hopkinson. Ovid Metamorphoses...P. 210.

⁷⁵ OLD s.v. ater.

⁷⁶ Austin. P. Vergili Maronis... P. 140.

⁷⁷ Haupt, Korn, Mühlher, Ehwald. Die Metamorphosen des... S. 172.

In встречается в рукописях Marcianus Florentinus 223 (F) XI-XII веков, Laurentianus 36.12 (L) XI-XII веков, Marcianus Florentinus 225 (M) XI века и Neapolitanus Bibl. Naz. IV.F.3 (N¹) XI-XII веков.

At – Vaticanus Palatinus lat. 1669 (E) XII века, Parisinus lat. 8001 (P) XII века, Vaticanus Urbinas 341 (U) XI-XII веков, Erfordensis Bibl. Amplon. fol. 1 (e) XII, Hauniensis Bibl. Reg. Gl. kgl. S. 2008 (h) XII века.

Atra – Marcianus Florentinus 223 (F) XI-XII веков, Laurentianus 36.12 (L) XI-XII веков.

Antro – все рукописи (A – consensus fragmentorum et codicum EFLMNPUW).

Unicolor – Neapolitanus Bibl. Naz. IV.F.3 (N²) XI-XII веков.

Atricolor – конъектура нидерландского филолога XVI-XVII веков Даниэля Хейнсия (Heinsius).

Несмотря на эти разночтения, мы понимаем, что черный цвет в любом случае присутствует, хотя бы потому что чтение «*ebeno*» есть во всех рукописях, а ведь само эбеновое дерево является черным: подразумевается, что ножки и каркас сделаны из этого дерева. На то, что само ложе тоже темное, указывает присутствующее также во всех рукописях «*pullo velamine*» и, как считает Гриффин⁷⁸, это чтение делает «*atricolor*» излишним, а «*unicolor*» вполне естественным, тем более, что темное одноцветное ложе Овидий противопоставляет затем блеску одежды (11, 617)⁷⁹, а также, пестроте одеяния Ириды (11, 589)⁸⁰.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать, что прилагательное *ater* часто используется в тех же контекстах, что и *niger* – как цвет шерсти животных, змей, ночи, облаков, а также и для создания контраста. При этом, в употреблении *ater* чаще, чем *niger*, объединяется несколько значений – 13

⁷⁸ Griffin. A Commentary on Ovid...P. 243.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Bömer. Büch. X-XI. S. 402.

случаев *ater* (из всех 30) и только 4 *niger* (из 32).⁸¹ Также примечательно и то, что только *ater*, в отличие от *niger*, используется для обозначения траурных одежд.

⁸¹ Arias Abellan C. *Albus-candidus, ater-niger and ruber-rutilus* in Ovid's *Metamorphoses*. *Latomus*, T. 43, Fasc. 1 (JANVIER-MARS 1984), pp. 114-115.

Глава I. 3. *Canus*

В этом разделе мы рассмотрим прилагательное, о значении которого говорил Исидор Севильский – «*canus dictus, quia ex candido colore et nigro est*» («[прилагательное] названо *canus*, поскольку это смесь белого цвета с черным») (Orig. 12, 1, 51).

Впервые данное прилагательное мы встречаем у Энния (Sk. Ann. 214) и Плавта (Mer. 306), оно часто встречается у поэтов, очень редко в прозе, за исключением авторов эпохи Траяна.⁸² В собственном смысле, согласно ThLL, оно означает «*albus, albidus, rarus*»⁸³ («белый, беловатый, серый»), а OLD как основное дает значение «*of things having, or considered as having, a white covering; also the things giving such a covering*»⁸⁴ («о вещах, имеющих, или предположительно, имеющих некое белое покрытие; также о вещах, дающих такое покрытие»). Также мы обратимся к случаям употребления однокоренных данному прилагательному глаголов – *canere* («*to be or become covered in white, be hoary*»⁸⁵; «*to be white or grey with age*»⁸⁶), *canescere* («*to be or become white on the surface, become hoary*»⁸⁷; «*to grow grey or white (with age)*»⁸⁸). В данных определениях речь идет о таких вещах, как море, пепел, снег и даже растения.

Почти все эти примеры употребления прилагательного мы обнаруживаем в «Метаморфозах». Поскольку нас интересует холодная часть спектра цветов и, соответственно, другое значение *canus*, к которому мы скоро обратимся, то мы только кратко расскажем об использовании *canus* в его основном значении «белый».

⁸² Meister. s. v. *canus* // ThLL. Vol. III. Col. 296. 8.

⁸³ Ibid. 18.

⁸⁴ OLD. s.v. *canus* 1.

⁸⁵ OLD. s.v. *canere* 1a. «Быть покрытым или покрываться белым, быть седым».

⁸⁶ Ibid. 1b. «Становиться белым или серым с возрастом».

⁸⁷ OLD. s.v. *canescere* 1. «Быть или становиться белым на поверхности, становиться седым».

⁸⁸ Ibid. 2. «Становиться серым или белым (с возрастом)».

В предыдущих разделах мы видели, что зола обычно бывает черного цвета (6, 325 – алтарь черный (*nigra*) от золы; 13, 604- *atra*), а в восьмой книге она имеет эпитет *cana* (8, 525), т. е. «серая», что вполне логично.

Также мы находим несколько примеров использования данного прилагательного по отношению к растениям.

Например, в десятой книге «Метаморфоз» Овидий дает такой эпитет нивам (*seges*) (10, 655). В первой книге в описании Золотого века речь идет о колосьях – «*ager gravidis canebat atistis*» («поле белело тяжелыми колосьями») (1, 110) и подразумевается то, что поле стало белым от изобилия и перезревания плодов⁸⁹ на этих тяжелых от них колосьев. То же мы видим и во второй книге во время мирового пожара, случившегося по вине Фаятона – *rabula canescunt* («нища (луга) белеют») (2, 212), т.е. иссыхают и вот-вот начнут гореть, поэтому Мур-Блант, например, переводит данный глагол как «*become white-hot*»⁹⁰.

В шестой книге Овидий рассказывает о Терее, муже Прокны, который загорелся страстью к ее сестре, Филомеле, «*quam si quis canis ignem supponat aristis*» («подобно тому, как если бы кто-то подложил огонь под белые колосья») (6, 456). Бёмер⁹¹ отмечает, что здесь *canis* означает «*meist 'altersgrau'*» («почти 'седой'»), но почему, не объясняет.

Действительно, очень часто прилагательное *canus* используется для обозначения седых волос, и от него произошли существительные, обозначающие седину, такие, как *cani* (m. Pl.), которое не раз встречается в «Метаморфозах» (3, 275; 6, 26; 10, 391 etc.), и часто это случаи, когда кто-то (например, из богов) принимает обличье старика или старухи, и существительное *canities*, также широко используемое Овидием в «Метаморфозах» (7, 289; 8, 529; 10, 425 и 13, 492).

Но не только слово *cani* Овидий использует для седины, один раз он заменяет это существительное глагол *canescere* в соответствующем значении

⁸⁹ Поскольку перезрелые или иссохшие плоды имеют такой цвет. Bömer. Büch. I-III. S. 56.

⁹⁰ Moore-Blunt. A Commentary on Ovid...P. 47.

⁹¹ Bömer. Büch. VI-VII. S. 131.

(9, 422), а чаще использует словосочетания *canos crines* (8, 10; 13, 427) или *cani capilli* (8, 568; 14, 655; 15, 211). Скорее всего, под «*canos capillos*» в первой книге (1, 266) также подразумевается седина, хотя исследователи никак не комментируют данное место – речь идет о свирепом Ноте, которого выпускает Юпитера для потопа. Как мы уже видели в главе «Niger», Овидий персонифицирует ветер, поэтому «*седые волосы*» вполне естественны для Нота, но почему они *седые* или все-таки *белые* комментаторы не объясняют.

Седовласой предстает также одна из Эриний в четвертой книге (474) – Тисифона. Бёмер говорит, что характеристика Эриний по цвету волос – это очень редкий пример, и «*эта характеристика соответствует тому факту, что люди представляли себе Эринию уродливой и старой*».⁹²

Еще употребление *canus* по отношению к волосам мы находим во второй книге, где перечисляются времена года, среди них «*et glacialis Hiems canos hirsuta capillos*» («*и леденящая Зима с растрепанными седыми волосами*») (2, 30). В данном случае вполне понятно, почему волосы названы *canos* – ведь речь идет о леденящей зиме, и ее «*волосы*» покрыты снегом, а также подразумевается и то, что они седые.⁹³ То же думает и комментатор Мур-Блант, т. е., что *canus* здесь указывает на старость и подразумевает «*седые*».⁹⁴

Прилагательное *canus* в связи с тем, что может указывать на седину, также обрело значение «*having lasted long, old-aged*»⁹⁵ («*долго продолжавшийся, старого возраста*»), из которого вытекает еще одно значение, которое дает только ThLL – «*praecipue aetate venerabilis*»⁹⁶ («*преимущественно, почитаемый из-за возраста*»).

Так, например, во второй книге Овидий называет богиню Тефию *canam* (2, 509) и Бёмер объясняет нам, что данный эпитет используется по

⁹² Bömer. Büch. IV-V. S. 162.

⁹³ Bömer. Büch. I-III. S. 249.

⁹⁴ Moore-Blunt. A Commentary on Ovid...P. 110.

⁹⁵ OLD. s.v. canus 3.

⁹⁶ Meister. s. v. canus // ThLL. Vol. III. Col. 297. 47.

отношению к ней, поскольку она супруга Океана (к тому же море тоже иногда имеет эпитет *canus* – впервые у Энния (Sc. Ann. 478)), а во-вторых, в представлениях римлян она была древней богиней.⁹⁷ Впервые такой эпитет Тефиде дал Катулл (66, 70).⁹⁸

Теперь мы обратимся к интересующему нас значению *canus* – «*ravus*», т.е. «серый». Андре в своей работе рассматривает данное прилагательное в главе, названной «Le gris»⁹⁹, что говорит о том, что он считает, что в первую очередь *canus* означает серый цвет. При этом, исследователь уточняет, что все-таки переводить *canus* как «*gris*» ошибочно.¹⁰⁰

Пытаясь дать более точное определение этого прилагательного, Андре сравнивает употребление *canus* с употреблением прилагательного *glaucus* (греч. *γλαυκός*), которое означает «*un gris vert très doux et surtout pale et clair*» («серо-зеленый, очень нежный и, главным образом, бледный и светлый») и приходит к выводу, что *canus* является эквивалентом данного прилагательного, поэтому его следует понимать не как «*gris noirâtre*» («черноватый серый»), а как «*gris blanchâtre*» («беловатый серый»).¹⁰¹

Часто данное прилагательное характеризует деревья или их листву и в таких случаях подразумевает «*gris argente*»¹⁰² («серый серебристый»), как например, имеет такой эпитет ива у Вергилия (в форме причастия *canens* – Georg. 2, 13) и у Лукреция (4, 131). Овидий также не является исключением – в пятой книге в начале рассказа Аретусы о ее превращении, она говорит, как подошла к водоему, у которого стоял «*cana salicta*» (5, 590). В данном случае Бёмер¹⁰³ переводит это как «*silbern glänzendes Weidegebüsch*», т. е. «серебристый блестящий ивняк», что соответствует приведенному Андре значению *canus*.

⁹⁷ Bömer. Büch. I-III. S. 364

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Andre. Étude sur les... P. 64.

¹⁰⁰ Ibid. P. 65.

¹⁰¹ Ibid. P. 66.

¹⁰² Ibid. P. 65.

¹⁰³ Bömer. Büch. IV-V. S. 376.

Также это прилагательное часто используется как цвет листы олив¹⁰⁴, например, в «Метаморфозах» мы находим такое употребление в шестой книге. Речь идет о полотне Минера, на котором она в состязании с Арахной изображает себя и «*fetum canentis olivae*» («плод серебристой оливы») (6, 81). Поскольку олива – это дерево Минервы, то иногда обозначение богини метонимически используется вместо обозначения оливы или оливкового масла, поэтому иногда сама Минерва имеет эпитет *cana*, как, например, в тринадцатой книге (13, 653).¹⁰⁵ В Thesaurus Linguae Latinae данное место приведено в качестве примера употребления прилагательного *canus* в значении «*antiqua...aetate venerabilis*»¹⁰⁶, которое мы уже упоминали, однако Бёмер полагает, что в данном употреблении такое значение не подразумевается.¹⁰⁷

Также в «Метаморфозах» мы встречаем употребление *canus* как цвета волчьей шерсти, что неудивительно, ведь и в русском фольклоре, например, это постоянный эпитет животного («серый волк»).

В шестой книге «Метаморфоз» в истории о Филомеле, когда Терей овладевает девушкой, Овидий сравнивает ее с овцой в пасти «*cani lupi*» (6, 526-7). Такой же эпитет мы находим в седьмой книге (7, 550), но Овидий не был первым среди античных поэтов, кто назвал волка «серым»: такое употребление традиционно, и мы видим уже у Гомера – *πολιοῖο λύκοιο* (И. 10, 334).

В первой книге Овидий использует по отношению к волку существительное *canities*. Он рассказывает о Ликаоне, наказанном Юпитером, и теперь превращающемся в волка:

In villos abeunt vestes, in crura lacerti:

fit lupus et veteris servat vestigia formae.

Canities eadem est, eadem violentia vultus,

¹⁰⁴ Hopkinson. Ovid Metamorphoses...P. 198.

¹⁰⁵ Bömer. Büch. VI-VII. S. 31.

¹⁰⁶ Meister. s. v. canus // ThLL. Vol. III. Col. 297. 47.

¹⁰⁷ Bömer. Büch. VI-VII. S. 31.

idem oculi lucent, eadem feritatis imago est.

«Одежды превращаются в шерсть, плечи в голени (т.е. руки в ноги-лапы): становится волком и сохраняет следы прежнего вида. Та же седина, та же злобность в лице, так же светятся глаза, та же дикость снаружи» (1, 236-9).

В данном случае *canities* подразумевает как «седину» Ликаона-человека, так и серую шерсть Ликаона-волка, и из этого можно сделать вывод, что «седина» скорее серая, чем «белая».

Во второй книге мы не можем назвать точный оттенок *canis* – речь идет о Кикне, превращенном в лебедя с «*canae plumae*» («... перьями») (2, 373). Бёмер пишет, что оперение лебедей обычно бывает либо «*schneeweiß*» («белоснежный») (2, 539), либо «*weiß-grau*» («бело-серый») (Fast. 1, 109), но не делает выбора в пользу какого-то решения.¹⁰⁸ Мур-Блант отмечает, что «белизна лебедей является вошедшей в поговорку»¹⁰⁹, поэтому, на наш взгляд, здесь *canis*, скорее, означает «белоснежный».

Таким образом, рассмотрев все употребления прилагательного *canis*, а также его однокоренных глаголов и существительных, мы можем сказать, что чаще всего данное слово используется для обозначения седины (19 употреблений из 31), в остальных употреблениях *canis* обозначает близкий к серому цвет, а случае с волком определенно «серый».

¹⁰⁸ Bömer. Büch. I-III. S. 335

¹⁰⁹ Moore-Blunt. A Commentary on Ovid...P. 80.

Глава I. 4. *Pullus*

Теперь мы обратимся к еще одному прилагательному, обозначающему темный цвет – *pullus*, которое всего три раза встречается в «Метаморфозах». Грамматик Нонний так писал об этом прилагательном – «*pullus color est quet spanum vel nativum dicimus*» («*pullus это цвет, который мы называем ... или натуральным*») (549, 30)¹¹⁰.

Согласно OLD, оно имеет следующее значение: «*drab-coloured, dingy, sombre*»¹¹¹ («*сероватого цвета, тусклый, мрачный*»).

Как отмечает Андре, данное прилагательное возникло в сельской среде, и обозначало цвет животных, то есть было эквивалентно прилагательному *niger*, однако без намека на блеск.¹¹² В некоторых случаях его можно понимать, как «*le noir, le gris sombre et peut-être le gris brun*»¹¹³ («*черный, темно-серый и, может быть, серо-коричневый*»).

Прилагательное *pullus*, как и *ater*, используется для обозначения траурной одежды¹¹⁴. Такое употребление мы находим в одиннадцатой книге «Метаморфоз», где речь идет о гибели знаменитого певца Орфея, который потерял жену Эвридику. Вся природа горевала по нему и:

<...> *obstrusaque carbasa pullo*
naides et dryades passosque habuere capillos.

«<...> *наяды и дриады, закутавшись в одежды с темной каймой, распустили волосы*» (11, 48-9).

В данном случае *carbasa* подразумевает льняную одежду, как отмечает Гриффин, характерную для речных божеств (Verg. Aen. 8, 34), а *pullus* обозначает темную траурную одежду.¹¹⁵

Поскольку данный цвет может использоваться в контексте траура,

¹¹⁰ По изданию Lindsay.

¹¹¹ OLD. s.v. pullus a.

¹¹² Andre. Étude sur les... P. 71.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Ibid. P. 72.

¹¹⁵ Griffin. A Commentary on Ovid...P. 79.

Бёмер полагает, что в целом, *pullus* означает «*dunkelfarbig*» («темноватого цвета»)¹¹⁶ Так, например, в «Метаморфозах» *pullus* употребляется два раза для обозначения темного цвета. Первый раз в четвертой книге, где речь идет об уже упоминавшихся ягодах шелковицы, и Овидий называет их «*pullos fetus*» («темные плоды») (4, 160). В одиннадцатой книге в описании жилища Сна, которое мы уже ранее рассматривали, покрывало на ложе бога также имеет такой эпитет (11, 611). В обоих случаях уточнить оттенок *pullus* не представляется возможным.

Подводя итог, мы можем сказать, что хоть данное прилагательное используется Овидием всего три раза, его употребление все же разнообразит гамму темных цветов, как например, в сцене изображения мрачного жилища Сна и траурных одежд.

¹¹⁶ Bömer. Büch. IV-V. S. 64.

Глава II. 1. *Viridis*

В данной главе мы будем рассматривать не только прилагательное *viridis*, но и глагол *virere* с производными от него формами.

Важным источником представлений о латинских и греческих цветообозначениях для нас является римский писатель II в. н.э., Авл Геллий со своим произведением «*Noctes Atticae*», в русской традиции носящим название «Аттические ночи». В двадцати книгах своего труда Геллий рассмотрел сотни частных филологических, правовых, философских и прочих никак не систематизированных вопросов, сопоставляя мнения нескольких авторов. Во второй книге, в 26-й главе представлен диалог римского грамматика и риторика Марка Корнелия Фронтон и ритора Фаворина из Арелата, в котором они ведут беседу о заслугах греческой культуры в сравнении с римской, аргументируя их богатством того или иного языка. Так же обсуждаются и прилагательные, означающие цвета, и Фронто утверждает, что в латинском языке их ничуть не меньше, чем в греческом. Иногда приводятся синонимы, эквиваленты в греческом, и рассказывается о способах (какие цвета нужно смешивать) получения того или иного цвета.

Так, например, о получении огненного цвета он говорит так: «*'Flavus' contra videtur e viridi et rufo et albo concretus*» («Напротив, 'flavus' считается возникшим из зеленого, рыжего и белого») (2, 26, 12, 2). О получении красно-желтого цвета он пишет: «*'Fulvus' autem videtur de rufo atque viridi mixtus*» («А 'fulvus' считается результатом смешения рыжего и зеленого») (2, 26, 11, 2). Как мы видим, часто *viridis* используется для смешения с каким-либо цветом для получения другого, но, как ни странно, Геллий нигде не пишет о том, как получить сам зеленый.

Выделяя общее значение, приведенное в OLD, можно сказать, что прилагательное *viridis* означает «*green (as a general term of colour)*»¹¹⁷ («зеленый (как общий термин для обозначения цвета)»). Глагол *virere* имеет

¹¹⁷ OLD s.v.viridis 2a.

то же значение «*to be green (in general application)*»¹¹⁸ («быть зеленым (в общем употреблении)»).

В целом, в римской литературе на глагол *virere* (а также образованные от него с помощью приставки глаголы *intervirere*, *revirere*, и/или суффикса *virescere*, *revirescere*; существительные *viretum*, *viror*) приходится 23%¹¹⁹ из всех случаев употребления слов, принадлежащих к данной группе и имеющих такой же корень. При этом 70% употреблений приходится на долю прилагательного *viridis* (также производные от него прилагательные *perviridis*, *subviridis*, *viridicatus*; причастие *viridans*; существительные *viridarium*, *viriditas*).¹²⁰

Чаще всего данное прилагательное используется по отношению к растениям, именно поэтому возникли такие существительные, как *virectum* («*an area of greenery*»)¹²¹, *viror* («*fresh green quality (of vegetation), verdure*»)¹²², *viridarium* («*an area of garden flowers, shrubs or sim., esp. one providing greenery in a paved or enclosed area*»)¹²³, *viriditas* («*the fresh green colour (of plants, vegetation); (meton.) green vegetation, verdure*»)¹²⁴. Аналогичным образом, первые значения *viridis*¹²⁵ и *virere*¹²⁶, которые приведены в OLD, относятся именно к растительности.

У Овидия в «Метаморфозах» подобных примеров употребления больше всего – 25 случаев из 33. Поэт называет зелеными луга (*prata* – 1, 297; 13, 924) (что является не очень распространенным среди авторов классического периода)¹²⁷, берега (*ripas* – 2, 371), зелень в целом (*herbas* – 2,

¹¹⁸ Ibid. s.v. *vireo* 1c.

¹¹⁹ Половина этих случаев выпадает на производное от глагола причастие *virens*.

¹²⁰ Andre. *Étude sur...* P. 184.

¹²¹ OLD s.v. *virectum*. «Область, покрытая зеленью».

¹²² Ibid. s.v. *viror*. «Свежее зеленое свойство (растительности), зелень».

¹²³ Ibid. s.v. *viridarium*. «Область с садовыми цветами, кустами и т. п., в особенности, содержащая зелень в вымощенной или огороженной области».

¹²⁴ Ibid. s.v. *viriditas* 1a. «Свежий зеленый цвет (растений, растительности); (метонимически) зеленая растительность, зелень».

¹²⁵ Ibid. s.v. *viridis* 1a, b, c, d.

¹²⁶ Ibid. s.v. *vireo* 1a, b.

¹²⁷ Bömer. *Büch.* XII-XIII. S. 461.

864; 3, 86; 3, 502; 9, 655; 10, 87), листья (*thyrsos* – 11, 27-28), ветви (*ramos*¹²⁸ – 12, 22), лес (*silva* – 3, 324), рощу (*lucum, qui virescit* – 14, 837), поля (*agros*¹²⁹ – 7, 415). Также Овидий обозначает данным прилагательным конкретные виды деревьев и растений таких, как дуб (*ilex* – 1, 112; 11, 108), кипарис (10, 137), ствол оливы (*stipes* – 7, 280), дерн (*caespes* – 4, 301; 10, 166; 13, 395; 15, 573), цикуту (*cicuta* – 4, 505), мяту (*mentae* – 8, 633), самшит (*buxum* – 10, 97), терновник (*spina* – 6, 380). Из живых существ зеленые у Овидия лягушки (*ranas* – 15, 375). Встречается случай употребления глагола *virescere* (4, 394 – речь идет о тканях, которые окрашиваются в зеленый цвет), который означает «*to turn into green (in general application)*»¹³⁰ («становится зеленым (в общем употреблении)»). Также причастие *virens* может означать «*to be in vigorous or thriving condition*»¹³¹ («быть в энергичном и цветущем состоянии») – в таком значении оно встречается во второй книге при описании твердыни Минервы, которая названа «*arcem...virentem*» (2, 794-795). Бёмер в комментарии указывает, что *virentem* в данном случае означает *florentem* («цветущую»), как раз имея в виду вышеприведенное значение *virens*.¹³²

Во второй книге, где речь идет об ослушавшейся Аглавре, в описании внешности Зависти, к которой приходит Минерва, есть несколько слов, указывающих на цвет (например, *pallor* «бледность», *livere* «быть иссиня-черным», *rubigo* «ржавчина»), в том числе и глагол *virere*, возможно, в необычном для него сочетании с существительным *fel* («желчь»): у Зависти «*pectora felle virent*» (2, 777). Исследователи никак не комментируют данное употребление *virere*, но Бёмер отмечает, что «Овидий первый, кто намеренно

¹²⁸ Как отмечает Бёмер, словосочетание *virides ramos* обычно у классических авторов не встречается. Büch. XII-XIII. S. 20.

¹²⁹ Слово, которое с таким цветообозначением совсем не встречается у классических авторов, кроме Овидия в данном месте. Ibid. Büch. VI-VII. S. 304.

¹³⁰ OLD s.v. *viresco*.

¹³¹ Ibid. s.v. *vireo* 2a.

¹³² Bömer. Büch. I-III. S. 424.

связал употребление существительного *fel* с *invidia*»¹³³.

Переводчики «Метаморфоз» дают разные варианты перевода. Например, С. В. Шервинский переводит так: «желчь в груди у нее»¹³⁴, то есть никак не передает цвет, а английский переводчик Ф. Ю. Миллер, наоборот, отчетливо отображает его в переводе: «*green, poisonous gall o'erflows her breast*»¹³⁵ («зеленая, ядовитая желчь переполняет ее грудь»), так же поступает и французский переводчик «Метаморфоз» Джордж Лафайе: «*un fiel verdâtre remplit son cœur*»¹³⁶ («зеленоватая желчь наполняет ее сердце»). Как мы видим, большинство переводчиков передают значение *virere* и называют желчь «зеленой» и, на мой взгляд, с ними нужно согласиться, поскольку если переводить дословно, то получится «грудь зеленеет от желчи». Примечательно, что и в русском языке есть подобное выражение – «зеленеть от злости». Я думаю, опускать перевод глагола *virere* неправильно, так как, если бы он не играл здесь никакой роли, то, возможно, Овидий употребил бы другой глагол, как например, *implere* со значением «наполнять», т. е. мы видели бы что-то типа «*fel implet pectora*» «*pectora felle implentur*».

Прилагательное *viridis* иногда употребляется по отношению к морю¹³⁷ (Ov. Ars 1, 400; 2, 92; Ciris, 461) так же, как и уже рассмотренное нами прилагательное *caeruleus*. Вообще, один из исследователей Овидия, Эдриан Холлис, в своей комментарии к восьмой книге «Метаморфоз», рассматривая прилагательное *caeruleus* и его возможные оттенки, приводит следующую цитату из «Науки любви»: «*virides...aquaе*» («зеленые...воды») (2, 92) и отмечает: «эти два прилагательных [*caeruleus* и *viridis*] являются более синонимичными, чем мы могли бы думать».¹³⁸

Часто встречаются употребления *viridis* по отношению к морским

¹³³ Ibid. S. 421.

¹³⁴ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод с латинского С. В. Шервинского. Примечания Ф. А. Петровского. Москва, 1977. С. 74.

¹³⁵ Miller F. J. Ovid Metamorphoses. London, 1960. Vol I. P. 115.

¹³⁶ Lafaye G. Ovide les Métamorphoses. Tome I. Paris, 1991. P. 63.

¹³⁷ Bömer. Büch. XII-XIII. S. 273.

¹³⁸ Hollis A.S. Ovid Metamorphoses, Book VIII. Oxford, 1970. P. 62.

богам – главным образом, у Овидия и Стация.¹³⁹ Овидий в «Скорбных письмах» дает понять, что называет морских богов *virides* из-за цвета моря: «*Viridesque dei quibus aequora curae*» («О, зеленые боги, на которых лежат заботы о море») (Trist. 1, 2, 59).

В «Метаморфозах» Овидий тоже употребляет *viridis* по отношению к морским богам. Ярким примером этого служит сцена превращения рыбака Главка. Он рассказывает, как из простого рыбака он в одно мгновение превратился в морское божество. Однажды он выловил несколько рыб, которых вместе с сетями разложил на траве. Он тут же заметил, что рыбы стали вести себя на суше так же, как и в воде и в итоге, снова уплыли в море. Рыбак также решил попробовать немного волшебной травы на вкус, и тут же, почувствовав невероятное влечение к морской стихии, нырнул в морскую пучину. Он испытывал смешанные чувства и не мог осознать всего, что с ним происходило. Главк признается, что только спустя некоторое время: «*Hanc ego tum primum viridem ferrugine barbam*» (13, 960). Во-первых, перевод «*viridem ferrugine*» представляет собой сложную задачу, так как существительное *ferrugo* означает «*the term for shades of colour, app. ranging from a reddish-purple to near-black*»¹⁴⁰ («термин для обозначения оттенков цвета, предположительно, в границах от красновато-пурпурного до почти черного»), поэтому сложно понять, какой цвет имеется в виду. Помимо этого, в данном месте существует разночтение. В основном, издатели принимают текст, приведенный выше, но рукописи Marcianus Florentinus 225 (M) XI века и Neapolitanus Bibl. Naz. IV.F.3 (N¹) XI-XII веков содержат чтение «*viridi ferrugine*», т. е. *viridis* является определением *ferrugo*, что также не упрощает задачу. Американский исследователь Роберт Джозеф Эджворт¹⁴¹, занимавшийся значением последнего слова, полагает, что *ferrugo*, возможно, означает в некоторых случаях зеленый (по Бёмеру¹⁴², зеленовато-голубой,

¹³⁹ Andre. Étude sur... P. 185.

¹⁴⁰ OLD. s. v. ferrugo 2.

¹⁴¹ Edgeworth R.J. What color is 'ferrugineus'? Glotta 56, 1978. P. 297.

¹⁴² Bömer. Büch. XII-XIII. S. 469.

например, – Met. 2, 798; 5, 404) цвет, как, например, в данном месте тринадцатой книги. Примерно то же думает немецкий филолог, издатель и комментатор «Метаморфоз» Рудольф Эвальд¹⁴³, принимающий второй вариант чтения – «*viridi ferrugine*», но, по мнению Бёмера¹⁴⁴, он дает довольно странное объяснение: «*rostgrün, von grünem Metallglanz schimmernd*» («зеленого цвета ржавчины, от зеленого сияющего блеска металла»). Другой комментатор, Нейл Хопкинсон, считает, что, «*ferrugine*, вероятно, предполагает темноватый или сероватый оттенок *viridem*».¹⁴⁵ Англоязычный переводчик Ф. Ю. Миллер¹⁴⁶, как и Эджворт с Эвальдом, предполагает зеленый в этом тексте, но уточняет оттенок – «*dark green*» («темно-зеленый»). Уже упоминавшийся советский переводчик С. В. Шервинский¹⁴⁷, возможно, под влиянием следующего двумя строками ниже определения *caerulea* переводит – «синеватую бороду». Как мы видим, единого мнения по поводу понимания этого места нет, но все-таки большинство ученых считают, что подразумевается зеленый, но его оттенок понимают по-разному. Мы присоединяемся к мнению таких ученых, как Эджворт, Эвальд и Миллер, поскольку бывают случаи, когда Овидий использует два прилагательных и одно из них, обозначающее какой-либо темный цвет, указывает на темный оттенок второго прилагательного. Такое мы уже видели в предыдущих разделах – как например, в случае со сливами в тринадцатой книге (13, 817), на темный оттенок которых указывало прилагательное *niger*. Еще один подобный пример мы увидим в следующем разделе.

Эпитет *viridis* может относиться к речным божествам. Так, в начале девятой книги приведен рассказ речного бога Ахелоя об его сватовстве к Деянире и произошедшем из-за него бое с Гераклом. Ахелой сначала

¹⁴³ Korn O., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. 2 Bd., Buch VIII-XV. Berlin, 1916. S. 292.

¹⁴⁴ Bömer. Büch. XII-XIII. S. 469.

¹⁴⁵ Hopkinson. Ovid Metamorphoses...P. 237.

¹⁴⁶ Goold, Miller. Ovid in Six Volumes. Vol. 4. P. 297.

¹⁴⁷ Овидий. Метаморфозы. С. 335.

передает их взаимные с Гераклом словесные оскорбления, а затем описывает момент, когда Алкид решает применить силу. Сам Ахелой тоже не в силах больше себя сдерживать и вот: «*reieci viridem de corpore vestem*» («я сорвал с тела зеленую одежду») (9, 32). И снова через детали, а именно, цвет одежды Овидий указывает нам на бога, повелевающего водной стихией.

Обозначение принадлежности к стихии через детали еще и в других местах «Метаморфоз». Например, во второй книге, которая начинается с описания дворца Солнца и моря, Овидий перечисляет его жителей, в том числе Нереид, которые «*virides siccare capillos*» («сушат зеленые волосы») (2, 12). Таким же эпитетом обозначены волосы Аретусы (5, 575), некогда бывшей охотницей, а теперь превращенной Артемидой в источник: цвет волос как раз указывает на ее принадлежность к водной стихии. Бёмер приводит пример, когда Овидий называет самих Нереид *virides* (Epist. 5, 57).¹⁴⁸

Подводя итог, мы можем сказать, что большая часть употреблений прилагательного *viridis* (а также глагола *virere* и производного причастия *virens*) это употребления относительно растительности, и они вполне традиционны. Также мы увидели, что Овидий иногда использует *viridis* для обозначения принадлежности к водной стихии, но отходит от традиции, совсем не используя *viridis* как цвет змей. Необычные случаи – это использование глагола *virere* в сочетании с существительным *fel* во второй книге (777) и употребление *viridis* в сочетании с другим словом, также подразумевающим некое цветообозначение, а именно, *ferrugo* (13, 960).

¹⁴⁸ Bömer. Büch. I-III. S. 241.

Глава II. 2. *Caeruleus*

Прилагательное *caeruleus*, которое также имеет форму *caerulus* встречается уже у Плавта (Trin. 834) и Энния (Skutsch. Ann. Frg. 49; 65; 143 etc.).¹⁴⁹ С I века до н.э. форма *caeruleus* начинает доминировать как более удобная для поэзии (*inde a Cic. praeualet forma versui facilior 'caerulues', quam habent*).¹⁵⁰ У таких поэтов как Овидий (во всем творчестве 32 варианта на *-eus* и 19 форм на *-us*) и Вергилий (19 *-eus*, 9 *-us*) встречаются обе формы и каждая из них обусловлена метрикой.¹⁵¹ Также нужно отметить, что *caeruleus*, по словам Бёмера, преимущественно поэтическое слово.¹⁵²

Согласно Thesaurus Linguae Latinae, *caeruleus* имеет значение «*a proprio sensu, colorem glaucum vel lividum indicans*» («в собственном смысле, обозначающий серо-голубой или синеватый цвет»).¹⁵³ Римский грамматик конца IV века Мавр Сервий Гонорат в своем комментарии к 198 строке шестой книги Энеиды определял *caeruleus* иначе – «*caeruleum est viride cum nigro, ut est mare*» («*caeruleus* это [смесь] зеленого с черным, как [цвет] моря»). Как считает Ж. Андре, Сервий дал такое определение, исходя не из действительного значения слова *caeruleus*, а так, чтобы смысл этого определения соответствовал разбираемому месту из Вергилия.¹⁵⁴

Андре говорит о несомненном сходстве значений латинского *caeruleus* с древнегреческим *κραιώδης* («темно-синий, темный, черный»), также оба могут обозначать темные оттенки и даже иметь значения «черный».¹⁵⁵ Андре выделяет несколько оттенков *caeruleus* и одним из них является «*bleu-ciel (foncé)*» («небесный голубой (темный)»), который, как считает Андре, сложно определить, так как цвет неба зависит и от климата в определенной

¹⁴⁹ Goetz K.E. s. v. *caeruleus, caerulus* I// ThLL. Vol. III, 1. Col. 103. 83.

¹⁵⁰ Ibid. Col. 104. 5-6.

¹⁵¹ Bömer. Büch. I-III. S. 540.

¹⁵² Ibid. S. 239.

¹⁵³ Goetz. Ibid. Col. 104. 17.

¹⁵⁴ Andre. Étude sur les... P. 164.

¹⁵⁵ Ibid.

местности, и от времени дня.¹⁵⁶ Для римлян 'небесный' был похож на голубой цвет в спектре радуги – так это прилагательное определяют Сенека Старший в своем произведении «Naturales questiones»: «*Videmus in eo <...> aliquid caerulei*» («Мы видим в ней [радуге] <...> что-то от голубого» (1, 3, 4) и Аммиан Марцеллин, римский историк IV века, рассуждающий о происхождении радуги и ее цветах (20, 11, 27-28).

Голубой цвет по отношению к небу используется уже у такого древнего автора как Энния (Skutsch. Ann. Frg. 49 «*caerula templa*» «голубые храмы», т. е. небо). А более поздний поэт, Лукреций употребляет уже не только прилагательное *caeruleus*, но и произошедшее от него существительное *caerula* – «*caerula caeli*» («синева неба») (1, 1090; 5, 771; 6, 482). Стоит отметить, что это существительное означало как «синеву, лазурь», так и «синее море» (например, Lucr. 2, 772; Cic. Acad. 2, 33, 105) и это связано с тем, что значительно чаще изначально прилагательное *caeruleus* использовалось по отношению к морю. Андре приводит статистику: 10% от всех встречающихся употреблений формы *caeruleus* и 42% от *caerulus*.¹⁵⁷ С этого употребления мы и начнем наш обзор.

- ***Caeruleus* как цвет моря**

Овидий использует *caeruleus* как цвет моря четыре раза, при этом поэт использует разные слова для обозначения стихии. Например, во второй книге разгневанная Юнона просит богов «*gurgite caeruleo Septem prohibete triones*» («Удержите от лазурной пучины созвездие Медведицы» (2, 528), которую Юпитер вместе с ее сыном поместил созвездиями на небо. Здесь Овидий использует слово *gurgis* для обозначения моря. Как отмечает Бёмер, и *gurgis* и *caeruleus* поэтизмы, однако их сочетание необычно, так как чаще поэты используют в комбинации с этим прилагательным существительное *mare*.¹⁵⁸

В тринадцатой книге встречается другое слово – *pontus*. Влюбленный в nereиду Галатею циклоп Полифем умоляет её «*Iam modo caeruleo nitidum*

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Ibid. P. 165.

¹⁵⁸ Bömer. Büch. I-III. S. 368.

caput exere ponto» («Только уже подними из лазурного моря блестящую голову») (13, 838). Также с эпитетом *caeruleus* Овидий употребляет два раза слово *aqua*. В восьмой книге оно используется в сцене гибели сына Дедала Икара:

*Oraque caerulea patrium clamantia nomen
excipiuntur aqua <...>*

«Уста, кричащие имя отца, принимаются лазурной водой» (8, 229-30).

Определение здесь эффектно удалено от определяемого слова, и мы можем наблюдать здесь сильный гипербат.

Подобное словосочетание (*caeruleas...aqua* – 15, 699) мы видим в пятнадцатой книге, где Овидий рассказывает о змее Эскулапа, последовавшем за римлянами на их корабль, отправляющийся в Рим.

- **Обозначение принадлежности к водной стихии**

Caeruleus часто означает не только цвет, но и принадлежность к морю.¹⁵⁹ Как правило, это определение является эпитетом морских богов, существ или водной стихии в целом, и Андре относит такое использование *caeruleus* к значению «*bleu-ciel (foncé)*».¹⁶⁰

В «Метаморфозах» встречается восемь случаев данного употребления. Например, в первой книге при описании потопа Нептун назван «*caeruleus frater*» («лазурный брат») (1, 275). Овидий в другом месте «Метаморфоз» также называет и других богов *caeruleos* (2, 8), а именно сына Нептуна и Амфитриты, Тритона (также назван *caeruleum* в 1, 333), Протея, Эгеона и Дориду (отдельно *caerula* в 13, 742) с дочерьми.

Нереида Псамафа у Овидия тоже имеет такой эпитет: когда она отомстила своим сыновьям Пелею и Теламону за убийство их сводного брата Фока, настав на стада Пелея чудовищного волка, то:

Inde manus tendens in aperti litora ponti

¹⁵⁹ Ibid. S. 239.

¹⁶⁰ Andre. Étude sur les... P. 165.

*caeruleam Peleus Psamathen, ut finiat iram,
orat, opemque ferat. <...>*

«Затем простирая руки к берегам широкого моря, умоляет [Пелей] лазурную Псамафу, чтобы она прекратила гневаться и пришла на помощь» (11, 397-9).

Римляне не первые, кто использует подобный эпитет по отношению к морским существам, это дань греческой традиции, поскольку уже в «Илиаде» Посейдон назван Гомером *κρᾶνοχαίτης* («с темно-синими волосами, темнокудрый») (13, 563), а его жена богиня Амфитрита в «Одиссее» – *κρᾶνῶπις* («с темно-синими глазами») (12, 60);¹⁶¹ единственное отличие этих эпитетов от латинского *caeruleus* в том, что они являются композитами.

Возможно, *caeruleus* имеет связь не только с прилагательным *κρᾶνοῦς*. По мнению английского исследователя Нейла Хопкинсона, можно проследить также и связь с прилагательным *γλαυκός*, эквивалентом *caeruleus*.¹⁶² Например, названную Овидием «лазурной» (13, 288) Фетиду, мать Ахилла, греческий поэт Парфений называл *γλαυκὴ Θέτις* (Parthen. 21, 15 (Anon. FGr. Hist. 479 F 1)). Ярким примером связи этих прилагательных, как считает Хопкинсон, может служить сцена в конце тринадцатой книги «Метаморфоз», уже рассмотренная нами в предыдущем разделе – превращение рыбака Главка (Γλαῦκος). Кроме той «темно-зеленой бороды» (960) он заметил у себя также «*ingentesque umeros et caerulea bracchia <...>*» («огромные плечи и лазурные руки...») (13, 963). Его руки стали лазурного цвета и это уже помогает понять, что он превратился в морское существо.

В этой же тринадцатой книге мы видим употребление *caeruleus* по отношению к речному существу, точнее к юноше, превращенному в реку. Сын Пана и Семетиды влюбился в nereиду Галатею, но его соперником был Полифем. Когда предоставилась возможность, циклоп бросил в юношу кусок скалы, однако nereида сделала все, что было в ее силах, чтобы спасти

¹⁶¹ Moore-Blunt. A Commentary on... P. 6.

¹⁶² Hopkinson. Ovid Metamorphoses... P. 142.

погибающего Акида:

*Miraque res, subito media tenus exstitit alvo
incinctus iuvenis flexis nova cornua cannis,
qui, nisi quod maior, quod toto caerulus ore,
Acis erat. Sed sic quoque erat tamen Acis, in amnem
versus, et antiquum tenuerunt flumina nomen.*

«Чудесное дело, вдруг появляется до пояса юноша с новыми рогами, увенчанными гибким камышом, который если бы не был выше и с полностью лазурным лицом, был бы Акидом. Но и так это был Акид, превратившийся в реку, а воды сохранили прежнее имя») (13, 893-6).

Употребление *caerulus* по отношению к речным и, вообще, водным существам встречается еще в истории Нарцисса в третьей книге, где упоминается его происхождение – он появился от союза речного бога Кефисса и нимфы Лириопы, которая в данном месте «Метаморфоз» названа «*caerula*» (3, 342).

В некоторых случаях Овидий применяет этот эпитет к частям тела водных существ. Например, в пятой книге описано превращение сицилийской нимфы Кианы, которая пыталась помешать похищению Персефоны, в источник, и здесь Овидий через описание ее волос и других частей тела дает понять о ее превращении в водное существо:

*Primaque de tota tenuissima quaeque liquescunt,
caerulei crines digitique et crura pedesque.*

«Первым превращается в воду все самое тонкое – (ставшие) лазурными волосы, пальцы, икры и стопы» (5, 431-2).

Можно предположить, что данное место «Метаморфоз» демонстрирует действительную связь древнегреческого *κράνεος* и латинского *caeruleus*, так как говорящее имя нимфы *Cyane* является транслитерацией греческого прилагательного.

Также, то, что *caeruleus* обозначает цвет водной стихии, подтверждает следующее место из рассматриваемой поэмы. В четырнадцатой книге встречается фраза «*Caerulaque induitur velamina*» («Одевается в лазурные покрывала») (14, 45). Здесь поэт рассказывает историю колдуньи Кирки, влюбленной в Главка, но встречающей на своем пути соперницу – возлюбленную Главка, Сциллу. Колдунья решает отравить воду, в которой та купается, и чтобы Кирке остаться незамеченной, данный цвет одежды, как пишут комментаторы¹⁶³, подойдет лучше всего.

Встречается в «Метаморфозах» место, где *caeruleus* относится сразу к двум вещам и имеет, соответственно, два значения. В четырнадцатой книге описана сцена превращения кораблей Энея по воле Кибелы в нимф, и Овидий указывает на их цвет: «*caerulus, ut fuerat, color est*» («лазурный, как и был прежде, цвет») (14, 555). Здесь данное прилагательное относится и к нимфам, которые так определяются как водные существа, и одновременно, *caeruleus* выступает как цвет кораблей. Такое употребление *caeruleus* еще встречается у Овидия в «Фастах» – корабль назван лазурным из-за цвета воды, которой обрызгивается: «*Spargitur impuls a caerulea puppis aqua*» («Лазурная корма обрызгивается ударяющей водой») (Fast. 2, 112).

- **Темный оттенок**

Андре говорит и о более темном оттенке *caeruleus* – «*bleu-noirâtre*» («черновато-синий»), «*bleu-noir*» («сине-черный», т.е. темно-синий), а в некоторых случаях он даже равен по смыслу «*noir*» («черный»)¹⁶⁴. Как правило, этот оттенок подразумевается, когда речь идет о драконах и змеях, как о реальных, так и о мифических. Как правило, мы ожидаем другое прилагательное, более традиционное¹⁶⁵ для обозначения цвета змей, а именно, *viridis*, и оно встречается, например, у Горация (Od. 1, 17, 8) и Стация – Theb. 1, 711; 2, 279; 5, 549. Но *caeruleus* по отношению к змеям

¹⁶³ Bömer. Büch. XIV-XV. S. 21. Sara Myers K. Ovid Metamorphoses, book XIV. Cambridge, 2009. P. 63.

¹⁶⁴ Andre. Étude sur les... P. 166.

¹⁶⁵ Ibid.

используется тоже довольно часто, например, у Вергилия (Georg. 4, 482; Aen. 2, 381; 5, 87; 7, 346). Овидий не является исключением – в «Метаморфозах» он использует *caeruleus* как цвет змей три раза.

Например, в самом начале двенадцатой книги: данайцы приплывают в Авлиду и совершают жертвоприношения Юпитеру, но вдруг:

*Serpere caeruleum Danai videre draconem
in platanum <...>*

«Увидели данайцы, что темно-синий змей вползает на платан <...>»
(12, 13-4).

Речь идет о змее, благодаря которому прорицатель Калхас и предсказал победу над троянцами.

Важно отметить, что в эпической поэзии иногда встречаются употребления *caeruleus* в паре с *ater/niger*, и, возможно, второе прилагательное оказывает влияние на оттенок цвета, обозначаемого первым, но при этом не стоит взаимозаменять эти прилагательные – утверждает Андре.¹⁶⁶ Пример такого влияния прилагательного *niger* встречается у Овидия в четвертой книге «Метаморфоз». Знаменитый Кадм, основатель Фив, переживший смерть своих детей и внука, на старости лет удручен своим горем и обращается к богам: «*Num sacer ille mea traiectus cuspide serpens*» («Разве священным был тот змей, пронзенный моим копьем») (4, 571) – речь идет об огромном змее Ареса, который охранял находившийся рядом с Фивами источник и, который был убит Кадмом. Затем старик восклицает, что если боги мстят ему по этой причине, то пусть лучше он сам станет змеем, и тут же происходит превращение Кадма: его кожа покрывается чешуей и «<...> *sentit nigraque caeruleis variari corpora guttis* <...>» (4, 577-8). Действительно, с предположением Андре относительно оттенка *caeruleus* можно согласиться и перевести данные строки следующим образом: «чувствует, как черное тело испещряется темно-синими пятнами...».

¹⁶⁶ Ibid. P. 167.

Сочетание прилагательного *caeruleus* и существительного *gutta* встречается еще в одном месте «Метаморфоз», но уже совсем не относится к цветообозначению змей. Овидий в пятой книге рассказывает нам историю нимфы-охотницы Аретусы, которая блистала красотой, пленившей речного бога Алфея, когда он увидел Аретусу обнаженной во время ее купания. Алфей очень долго преследовал нимфу, молившую Артемиду о помощи, и когда богиня услышала мольбы, то сначала скрыла Аретусу облаком, а потом превратила в источник. Впоследствии, Аретуса так рассказывала Церере о своем превращении:

*Occupat obsessos sudor mihi frigidus artus,
caeruleaeque cadunt toto de corpore guttae.*

«Охватывает мои оцепеневшие члены холодный пот и падают со всего тела лазурные капли» (5, 632-3).

Бёмер предполагает, что, возможно, в этом месте Овидий использованием именно такого эпитета намекает на то, что Аретуса превратится в водное существо¹⁶⁷, поэтому этот случай употребления *caeruleus*, пожалуй, можно отнести к случаям, когда данное прилагательное означает не только цвет, но и принадлежность к водной стихии.

В истории основания Кадмом Фив, помещенной Овидием в третью книгу, упомянутый выше змей Ареса назван поэтом «*caeruleus serpens*» (3, 38). Как мы видим, цвет змея и пятна на теле превращающего Кадма обозначены у Овидия одним и тем же прилагательным.

Чтобы понять, почему змеи обозначались некоторыми поэтами именно этим прилагательным, можно обратиться к греческим поэтическим текстам, в которых эти существа (но только мифические) всегда были обозначены прилагательным *κράνεος* (Hom. II. 11, 26; 38; Hes. Sc. 167; Theocr. 24, 14), эквивалентом которому и является *caeruleus*, как уже было сказано выше. Латинские поэты не отходили от традиции, но расширили значение

¹⁶⁷ Bömer. Büch. IV-V. S. 384.

греческого аналога, используя *caeruleus* еще и по отношению к настоящим змеям.¹⁶⁸

В «Метаморфозах» есть место, где прилагательное *caerulus*, на мой взгляд, тоже имеет значение «*bleu-noirâtre*», выделенное Андре. В конце пятнадцатой книги речь идет о том, что вся природа предвещает страшные события, а именно, убийство Цезаря в сенате. Овидий пишет – «*Caerulus et vultum ferrugine Lucifer atra sparsus erat*» («*Темен Люцифер и лик его окроплен пятнами темной ржавчины*») (15, 789-90). Под Люцифером подразумевается звезда, и обычно Овидий называет ее *splendidus* (2, 722), *clarissimus* (4, 664) и *nitidissimus* (Am. 2, 11, 55), и только здесь выступает эпитет *caerulus*. По поводу *ferrugine atra* Бёмер считает¹⁶⁹, что этот цвет можно примерно передать как «*grau-schwarz*» («*серо-черный*») или даже «*tief-schwarz*» («*глубокий черный*»), и, как мы думаем, *ferrugine atra* несомненно влияет на значение *caerulus*, и поэтому его следует понимать как «*темно-синий*» или просто «*темный*». Если мы обратимся к переводам «Метаморфоз», то увидим, что данная мысль, действительно, может быть верна. В английском переводе данная строка звучит следующим образом: «*the morning-star was of dusky hue and his face was blotched with dark red spots*»¹⁷⁰ («*утренняя звезда была темного цвета и ее поверхность была покрыта темно-красными пятнами*»), а во французском: «*un bleu sombre et la couleur de la rouille couvrirent le visage de Lucifer*»¹⁷¹ («*темно-синий и цвет ржавчины покрывали лик Люцифера*»).

- **Необычные употребления**

В десятой книге «Метаморфоз» нельзя определить точный оттенок *caeruleus*, который предполагал поэт. Овидий описывает холм, на котором сидел и играл певец Орфей, и поэт подробно расписывает деревья, которые росли на этом холме, в их числе «*bacis caerula tinus*» («*голубой ягодами*

¹⁶⁸ Andre. Étude sur les... P. 167.

¹⁶⁹ Bömer. Büch. XIV-XV. S. 466.

¹⁷⁰ Goold G.P., Miller F.J. Ovid in Six Volumes. London, 1984. Vol. 4. P. 421.

¹⁷¹ Lafaye G. Ovide les Métamorphoses. Tome III. Paris, 1991. P. 147.

тин») (10, 98). Комментаторы¹⁷² идентифицируют это дерево как «*viburnum*», что является одним из видов лавра, плоды которого, как пишет С. Андерсон¹⁷³, имеют голубовато-серый цвет. Также в этом месте есть текстологическая сложность, в аппарате есть несколько вариантов прочтения: вместо *tinus* в рукописях встречается *cinus*, *pinus*, *ficus*. По мнению Бёмера, *pinus* является наиболее вероятным вариантом, но он считает его все-таки сомнительным, так как в данном «каталоге» это слово тоже встречается, только несколькими строками ниже (10, 103).

Необычным, по мнению Бёмера, случаем употребления *caeruleus* является встречающееся в девятой книге «...*caeruleusque fluit toto de corpore sudor...*» (9, 173). Здесь Овидий описывает сцену гибели Геракла, после того как герой надел случайно отравленный Деянирой, хитон. С пониманием значения *caeruleus* в данном месте есть трудности. Так, например, Сергей Васильевич Шервинский¹⁷⁴ ошибочно переводит эту фразу следующим образом: «С тела всего кровавая испарина льется». Ошибочно, так как, конечно, *caeruleus* не имеет значения «*кровавой*».

Возможно, это место перекликается с вышеупомянутым местом из пятой книги – «*sudor frigidus*» (5, 632), так как *sudor* присутствует и там, а Овидий таким образом разнообразит употребление *caeruleus*. Наверное, нельзя отрицать, что *caeruleus* действительно иногда может указывать на температуру. Так можно судить по следующему месту из «Георгик» Вергилия. В первой книге поэт рассказывает о том, что существует пять поясов, а именно, по представлениям древних, небо и земля разделялись на соответствующие друг другу пять поясов, которые различаются между собой расположением по отношению к Солнцу. Два крайних пояса Вергилий называет «*caeruleae*» (1, 236). Сервий, комментатор Вергилия, уже выше упоминавшийся, объясняет это место так: «*frigore scilicet, quia ipse color*

¹⁷² Bömer. Büch. X-XI. S. 45. Anderson W.S. Ovid's Metamorphoses, books 6-10. Oklahoma, 1972. P.

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Овидий. Метаморфозы. С. 225.

*convenit frigori*¹⁷⁵ («надо думать, из-за холода, поскольку сам цвет подобает холоду»). Опираясь на комментарий Сервия, можно было бы предположить, что Овидий под «*caeruleus...sudor*» подразумевает нечто похожее на «*sudor frigidus*».

Но в данном контексте, «холодный пот» кажется не совсем уместным, так как в описанной сцене кожа Геракла охвачена пламенем от яда Деяниры. Пожалуй, более вероятным является перевод «темный», но при этом имеется в виду не столько цвет как таковой, но и связь со смертью. Так, древнегреческое *κραινός* не обязательно означает цвет, оно может характеризовать что-то связанное со смертью и подземным миром. Такое употребление встречается у Феокрита по отношению к лодке Харона (17, 48 f.). Возможно, и латинское *caeruleus* может иметь такое значение, по крайней мере, комментатор Вергилия, Р. Г. Остин¹⁷⁶ считает, что в шестой книге «Энеиды» Вергилий употребляет *caeruleus* по отношению к челну Харона (*caeruleam...puppim* – 6, 410) именно в таком значении. Английский переводчик Ф.Ю. Миллер тоже считает, что *caeruleus* может означать «темный» и переводит данное место из «Метаморфоз» так: «*the dark sweat pours from his whole body*»¹⁷⁷ («темный пот льется со всего его тела»).

В «Метаморфозах» есть другое место, где значение *caeruleus* проблематично. В одиннадцатой книге рассказывается о неравном состязании Пана в игре на свирели с Аполлоном, где их судьей был поставлен бог горы Тмол, который описан Овидием так:

*Monte suo senior iudex consedit et aures
liberat arboribus: quercu coma caerulea tantum
cingitur, et pendent circum cava tempora glandes.*

«Сел на свою гору пожилой судья и освобождает уши от деревьев:
зеленые волосы обвиты только дубом, и свисают желуди со впалых висков»

¹⁷⁵ Serv. Georg. ad loc.

¹⁷⁶ Austin R.G. P. Vergili Maronis, Aeneidos, Liber Sextus. Oxford, 1977. P. 149.

¹⁷⁷ Goold, Miller. Ovid in Six Volumes. Vol. 4. P. 15.

(11, 157-9).

У комментаторов нет единого мнения по поводу понимания словосочетания «*coma caerulea*». Из-за двойственности значения слова *coma* возникают трудности, ведь это может означать и «волосы», и «листву», что кажется вполне вероятным в данном контексте, ведь речь идет о боге горы, который как и сама гора покрыт деревьями. Как уже было сказано *caeruleus* может иметь как небесный голубоватый оттенок, так и зеленоватый. Бёмер полагает, что волосы Тмола, покрытые листвой издали кажутся голубоватыми.¹⁷⁸ В комментированном общем издании М. Хаупта, О. Корна, Р. Эвальда и Г. Дж. Мюллера данное место понимается похожим образом – здесь *caerulea* трактуют как параллель греческому *κτανέη*: а именно как «голубоватый», то есть голубоватое сияние черных, как смоль, волос Тмола.¹⁷⁹ Ирландский исследователь А. Х. Ф. Гриффин в своей комментарии к одиннадцатой книге придерживается мнения, что здесь подразумевается зеленоватый оттенок, так как он больше подходит по смыслу, если понимать *coma* как «листва».¹⁸⁰ Гриффин приводит примеры, где прилагательное *caeruleus* указывает на зеленый оттенок, например, в одной из элегий Проперция встречается «*caeruleus cucumis*» (*cucumis* - огурец) (4, 2, 43) и комментарии¹⁸¹ указывают, что здесь несомненно подразумевается зеленый цвет и, как и Гриффин, ссылаются на место из «Науки любви» Овидия (2, 518), где оливковое дерево имеет такой же эпитет.

Гриффин также ссылается на Энния, у которого луга «*prata*» названы «*caerulea*» (Skutsch. Ann. 127; 537). Комментатор Энния, Отто Скутч, отмечает, что значение «зеленый» для *caeruleus* «зеленый», по всей видимости, не было редкостью, но встречалось только в поэзии.¹⁸² На наш

¹⁷⁸ Bömer. Büch. X-XI. S. 279.

¹⁷⁹ Haupt, Korn, Müller, Ehwald. Die Metamorphosen... S. 147.

¹⁸⁰ Griffin. A Commentary on... P. 113.

¹⁸¹ Hutchinson G. Propertius Elegies Book IV. Cambridge, 2006. P. 96.

Camps W.A. Propertius Elegies Book IV. Cambridge, 1965. P. 75.

¹⁸² Skutsch O. The Annals of Q. Ennius with Introduction and Commentary. Oxford, 1985. P. 281.

взгляд, исходя из этих сведений, действительно, стоит переводить словосочетание «*cota caerula*» как «зеленые волосы».

Таким образом, мы видим, что Овидий чаще всего использует прилагательное *caeruleus* в его основном значении «голубой, лазурный» по отношению к морю и его обитателям, и водным существам. Иногда Овидий подразумевает темный оттенок *caeruleus*, например, когда говорит о змеях или, когда данное прилагательное употребляется вместе с другими, обозначающими темный цвет, как *ater* или *niger*. И в трех случаях мы затрудняемся определить оттенок *caeruleus*, поскольку эти употребления нетрадиционны, а Овидий тем самым разнообразит использование этого прилагательного.

Заключение

Проведя анализ слов, использованных в «Метаморфозах» для обозначения основных цветов холодного спектра, и рассмотрев все случаи их употребления, мы пришли к выводу, что Овидий уделял цветообозначениям пристальное внимание и его поэма – это довольно «красочное» произведение по сравнению с другими поэтическими текстами той же эпохи. Из его предшественников широко использует холодную гамму цветов Вергилий, а из поэтов позднейшего времени – Стаций.

Прилагательные, обозначающие черный цвет, *niger* и *ater*, Овидий широко употребляет не только в их основных значениях, но и в метафорических – особенно это касается прилагательного *ater*. Кроме того, поэт задал традицию использования *ater* как эпитета траурных одежд. Оба прилагательных часто употребляются для создания контраста в комбинации со словами, обозначающими белый цвет или блеск.

Серый цвет Овидий использует реже, чем черный. Определение *canis* чаще встречается для обозначения седины, но также есть примеры, где оно означает именно серый цвет (а именно, применительно к волку). Прилагательное *pullus* очень редкое и используется для того, чтобы внести разнообразие в гамму темных цветов.

Употребления прилагательных *viridis* и *caeruleus* вполне традиционны, а именно, *viridis* чаще всего употребляется по отношению к растениям, а *caeruleus* по отношению к морю, морским и водным существам. Но Овидий иногда использует прилагательные, обозначающие темный цвет, как например *niger* и *ater*, или существительные – *ferrugo*, в сочетании с *viridis* или *caeruleus*, чтобы указать, что подразумевается темный оттенок того или иного цвета. Такие употребления нетрадиционны для римской поэзии.

Некоторые сцены и описания в «Метаморфозах» очень насыщены различными цветообозначениями, например, описание Зависти, или описание жилища бога Сна, также и сцена кораблекрушения в одиннадцатой книге. Насыщены цветообозначениями и эпизоды, где происходят

превращения в водных богов или существ, как например, превращение рыбака Главка, также сюжеты превращений в реки, пример тому Акид, и источники, например, нимфа Аретуса.

Можно также отметить, что Овидий (как и Вергилий) привнес некоторые цвета в римскую поэзию, например, «черный, как смоль» *piccus*, который до Овидия был менее распространен.

Благодаря разнообразию употреблений цветов холодной гаммы и мастерству поэта передавать тонкие оттенки, Овидия можно назвать настоящим «художником» слова.

Список использованной литературы

I. Издания, комментарии, переводы:

1. Anderson W. S. Ovid's Metamorphoses, books 6-10. Oklahoma, 1972.
2. Anderson W. S. P. Ovidii Nasonis Metamorphoses. Leipzig, 1977.
3. Austin R.G. P. Vergili Maronis, Aeneidos, Liber Quartus. Oxford, 1979.
4. Austin R.G. P. Vergili Maronis, Aeneidos, Liber Secundus. Oxford, 1964.
5. Austin R.G. P. Vergili Maronis, Aeneidos, Liber Sextus. Oxford, 1977.
6. Bailey C. Lucretius. De Rerum Natura. Vol. III. Commentary IV-VI. Oxford, 1950.
7. Bömer F. Kommentar zu Metamorphosen. 7 Bde. Heidelberg, 1969-1986.
8. Camps W.A. Propertius Elegies Book IV. Cambridge, 1965.
9. Costa C.D.N. Lucretius. De Rerum Natura V. Oxford, 1985.
10. Duff J.D., M.A. L. Annaei Senecae Dialogorum: Libri X, XI, XII. Cambridge, 1915.
11. Ehwald R. P. Ovidius Naso. Amores, Epistulae, Medicamina faciei femineae, Ars amatoria, Remedia amoris. Leipzig, 1907.
12. Ehwald R. P. Ovidius Naso. P. Ovidius Naso ex Iterata R. Merkelii Recognitione, Vol III. Lipsiae, 1889.
13. Frazer J. G. P. Ovidius Naso. Ovid's Fasti. London; Cambridge, 1933.
14. Goold G.P., Miller F.J. Ovid in Six Volumes. London, 1984 (The Loeb Classical Library).
15. Griffin A. H. F. A Commentary on Ovid Metamorphoses Book XI. Dublin. 1997.
16. Haupt M., Korn O., Mühlher H. J., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. Erster Band. Buch I-VII. Berlin, 1903.

17. Haupt M., Korn O., Mühlner H. J., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. Erster Band. Buch I-VII. Berlin, 1915.
18. Haupt M., Korn O., Müller H. J., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. Berlin, 1903.
19. Hollis A.S. Ovid Metamorphoses, Book VIII. Oxford, 1970.
20. Homer. Homeri Opera in five volumes. Oxford, Oxford University Press. 1920.
21. Hopkinson N. Ovid Metamorphoses, book XIII. Cambridge, 2000.
22. Hutchinson G. Propertius Elegies Book IV. Cambridge, 2006.
23. Jocelyn H. D. The Tragedies of Ennius: The Fragments. Cambridge, 1967.
24. Korn O., Ehwald R. Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso. 2 Bd., Buch VIII-XV. Berlin, 1916.
25. Lafaye G. Ovide les Métamorphoses. Tome I–III. Paris, 1989–1991.
26. Leo F. T. Maccius Plautus. Plauti Comoediae. Berlin, 1895.
27. Lindsay W. M. Nonius Marcellus de compendiosa doctrina. Leipzig, 1903.
28. Mayhoff K. F. T. Naturalis Historia. Pliny the Elder. Lipsiae, 1906.
29. Miller F. J. Ovid Metamorphoses with an English translation. London, 1960 (The Loeb Classical Library).
30. Mooney G. W. Argonautica. Apollonius Rhodius. London, 1912.
31. Moore-Blunt J. J. A Commentary on Ovid Metamorphoses II. Uithroon, 1977.
32. Mozley J. H. Statius, P. Papinius. Statius, Vol I-II. London; New York, 1928.
33. Mueller L. Propertius. Elegies. Leipzig, 1898.
34. Pease A. S. Publi Vergili Maronis Aeneidos. Liber Quartus. Darmstadt, 1967.
35. Postgate J. P. Tibulli aliorumque Carminum libri Tres. Oxford, 1915.
36. Riley H.T. The Metamorphoses of Ovid. London, 1905.

37. Rolfe J. C. *The Attic Nights of Aulus Gellius. With An English Translation.* London, 1927.
38. Rushton Fairclough H. Q. *Horatius Flaccus (Horace). Horace, Satires, Epistles and Ars Poetica.* London; Cambridge, Massachusetts, 1929.
39. Sara Myers K. *Ovid Metamorphoses, book XIV.* Cambridge, 2009.
40. Shorey P. and Laing G. J. *Horace. Horace, Odes and Epodes.* Chicago, 1919.
41. Skutsch O. *The Annals of Q. Ennius with Introduction and Commentary.* Oxford, 1985.
42. Smith, M. F. *De rerum natura.* London, 1975 (The Loeb Classical Library).
43. Thilo G. *Maurus Servius Honoratus. In Vergilii carmina comentarii. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii; recensuerunt Georgius Thilo et Hermannus Hagen, Leipzig, 1881.*
44. Valpy A. J., A. M. P. *Vergilii Maronis Opera Omnia ex Editione Heyniana. Vol. 3. Londini, 1819.*
45. Wheeler A. L. P. *Ovidius Naso. Ex Ponto.* Cambridge, 1939.
46. Wheeler A. L. P. *Ovidius Naso. Tristia.* Cambridge, 1939.
47. Публий Овидий Назон. *Метаморфозы. Перевод с латинского С. В. Шервинского. Примечания Ф. А. Петровского. Москва, 1977.*

II. Словари и справочная литература:

1. Glare P. G. W. *Oxford Latin Dictionary.* Oxford, 1996.
2. Wöllflin E. *Thesaurus Linguae Latinae. München, 1900-...*

III. Научная литература:

1. Abellan C. A. «Albus-candidus, ater-niger and ruber-rutilus» in Ovid's «Metamorphoses». A Structural Research. *Latomus*, T. 43, Fasc. 1 (JANVIER-MARS 1984), pp. 111-117.
2. Andre J. *Étude sur les termes de couleur dans la langue latine.* Paris, 1949.
3. Edgeworth R.J. What color is 'ferrugineus'? *Glotta* 56, 1978.

4. Otto A. Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer. Leipzig, 1890.